Ольга КРЮЧКОВА

НАСЛЕДНИКИ СТРАНЫ ЯМАТО

Серия исторических романов

Ольга Крючкова

Наследники страны Ямато

«ВЕЧЕ»
2016

Крючкова О. Е.

Наследники страны Ямато / О. Е. Крючкова — «ВЕЧЕ», 2016 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-8903-1

Конец XVI века. Древняя страна Ямато – на пороге нового этапа своей истории: контакт с первыми европейцами – голландскими купцами. Эпоха Воюющих Провинций в Японии подходит к концу. Ода Нобунага – могущественный князь и бывший военачальник, пользовавшийся доверием самого императора, теряет союзников, которые становятся его врагами из страха перед верховным сегуном Тоетоми Хидэеси. Сегун во что бы то ни стало стремится уничтожить непокорного князя, с которым еще недавно сражался плечом к плечу. И главной «разменной монетой» между враждующими кланами Оды и Тоетоми становится юная Хитоми, дочь Нобунаги… Книга выходила ранее в другой серии.

ISBN 978-5-4444-8903-1

© Крючкова О. Е., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Главные герои романа: 6
Часть 1 7
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 22
Глава 4 27
Глава 5 32
Глава 6 40
Часть 2 47
Глава 1 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Ольга Крючкова
Наследники страны Ямато

© Крючкова О.Е., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», Электронная версия, 2017
Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Моей дочери Елене – за то, что пробудила во мне интерес к японской истории и культуре

Главные герои романа:

Тоётоми Хидэёси – регент, Верховный сёгун.

Катахито Гендзи (Гоёдзей) – юный император, тенно (небесный государь), потомок богини солнца Аматэрасу, сын императора Огимати Митихито.

Госпожа Аояги – вдовствующая императрица.

Фусю – императорский советник.

Ода Нобунага – князь (даймё), владелец замка Адзути, противник сёгуната.

Хитоми – дочь князя Оды Нобунаги от первой жены Но-Химэ.

Юрико – дочь Нобунаги и наложницы Икомы Кицунэ.

Хисикава Моронобу – самурай, вассал Оды Нобунаги.

Токугава Иэясу – начальник Левой императорской гвардии, впоследствии – Верховный сёгун.

Ихара – дочь Юрико от Верховного сёгуна Тоётоми Хидэёси.

Годайго – сын Моронобу и Хитоми.

Тория – старший сын сёгуна Тоётоми.

Мико – наложница сёгуна.

Манами – жена сёгуна.

Акэти Мицухидэ – военачальник сёгуна.

Уми-Мару – самурай, фаворит Акэти Мицухидэ, затем – Уми-Сайто и канцлер сёгуна.

Саюри – онмёдо-гадалка.

Ива, Югей – наложницы господина Уми-Мару (Уми-Сайто).

Миёси Канаиэ – брат госпожи Югей.

Тайто Хиросэ – начальник Левой дворцовой стражи.

Такико – жена Тайто Хиросэ.

Госпожа Хикари – жена молодого императора.

Тюсингура Корэмицу – даймё, противник сёгуна Тоётоми.

Часть 1
Аварэ – изумление

Вновь встают с земли
Опущенные дождём
Хризантем цветы…

Мацуо Басё[1]

Глава 1

1580 год, Киото

Юный император Гензи, двенадцати вёсен от роду, облаченный в шелковые просторные одежды, поджав под себя колени, расположился на татами и со всем тщанием каллиграфически выводил кисточкой иероглиф, означавший *«Пожелание богатства»*. Он нанес последний мазок, аккуратно вернул кисточку в небольшую глиняную тушечницу, подождал, пока тушь высохнет, после чего, взяв лист рисовой бумаги в руки, внимательно, если не сказать придирчиво, вгляделся в получившийся иероглиф.

Гендзи вздохнул: увы, он не добился желаемого результата и расстроился. В такие минуты он вспоминал отца, который часто говаривал: «Сын мой, тебе предстоит продолжить династию Огимати, поэтому умей добиваться поставленной цели…»

Император положил руки на колени и глубоко вдохнул, чтобы обрести душевное равновесие, ибо он не мог выказывать слабости даже в те минуты, когда находится один. Ему это удалось, он взял новый лист бумаги, обмакнул кисточку в тушечницу и начал наносить изображение иероглифа *«Достижение цели»*.

Гендзи обладал острым слухом, отчётливо уловив, что по коридору кто-то идёт и, скорее всего, в направлении его покоев. Самураи из личной охраны императора приняли боевую готовность, привычным движением обхватив рукоять вакидзаси[2].

Но предосторожность телохранителей была напрасной: к покоям императора приближался Фусю, его доверенный советник – старый и хитрый лис, служивший ещё покойному императору Огимати Митихито и прекрасно знавший, кто и чем дышит во дворце.

Фусю осторожно приблизился к фусуме*[3], искусно расписанной цветами сакуры, отделявшей покои Гендзи от бесконечного дворцового коридора. Охрана без излишних вопросов распахнула перегородку, вельможа опустился на колени прямо в коридоре, выказывая тем самым покорность и терпение, так как прекрасно знал, что император после часа Дракона* предпочитает совершенствоваться в каллиграфическом письме.

Гендзи не хотелось выслушивать наставления Фусю, но, увы, это приходилось принимать, как неизбежность, ибо отец перед смертью завещал внимать советам вельможи. Император закончил своё занятие, окинул взором последний иероглиф *«Искренности»* и посмотрел на смиренно ожидавшего Фусю.

– Гендзи-тенно, даймё Ода Нобунага нижайше просит вашей аудиенции.

---

[1] Перевод Владимира Соколова

[2] Самураи обычно носили два меча: катану и вакидзаси.

[3] Значение слов, отмеченных «звёздочкой» находятся в Глоссарии.

Император хоть и не достиг того момента, когда мальчик официально становится мужчиной, и пребывал ещё в нежном возрасте, но вот наивным его назвать было никак нельзя. Юный Гендзи унаследовал от своего отца незаурядный ум, а от матери – терпение. Император не понаслышке прекрасно знал, что такое – Киотский двор, и если аудиенцию просит даймё, то ему явно что-то нужно… Вопрос: что именно?

– Ода Нобунага… У него – обширные владения вокруг озера Бива. Не так ли?

Фусю закивал в ответ.

– Что прикажите передать, Гендзи-тенно?

– Прежде, чем я соглашусь принять этого даймё, я хотел бы знать суть его просьбы.

– О, да! Конечно! – Фусю подобострастно улыбнулся.

Гендзи передёрнуло от этой неестественной улыбки, он поймал себя на мысли, что Главный советник похож на старую обезьяну. Это сравнение невольно привело императора в прекрасное расположение духа: он открыл для себя новое занятие, причём о котором никто никогда не узнает – мысленно насмехаться над своими придворными…

– Говорите, советник, я вас слушаю, – сказал император и жестом пригласил Фусю войти в комнату. Тот поднялся с колен и, семеня маленькими шашками, подошёл ближе к Солнцеподобной особе, расположившись напротив.

– Дело в том, что земли Нобунаги представляют собой слишком уж лакомый кусок для соседей-даймё. Через владения проходят многие торговые пути, которые в свою очередь позволяют Нобунаге устанавливать слишком высокую пошлину. Многие даймё и богатые торговцы выказывают недовольство по этому поводу. Нобунага же считает, что имеет право устанавливать на своих землях любой размер дорожной пошлины…

– А разве нет? – удивился император.

– Так и есть, Гендзи-тенно. Но Нобунага установил пять рё* с торгового каравана, четверть рё с проезжающих горожан и…

– Я достаточно услышал, чтобы понять: даймё желает слишком много.

– Да, Гендзи-тенно, вы совершенно правы. Это и приводит к недовольству соседей-даймё. Нобунага богатеет с каждым днём, его замок Адзути на озере Бива считается одним из самых богатых и самых красивых.

– Удивительно! – воскликнул юный тенно. – Оказывается, рядом с Киото находится прекрасный замок. Странно… Кажется, в годы правления моего отца, о замке Нобунаги и слышно не было?

– Да, Гендзи-тенно, даймё долго строил своё новое родовое гнездо. И лишь три года назад по завершении строительных работ, с высокого дозволения покойного императора Огимати Митихито, украсил его новым гербом – Парящим драконом.

– Три года… Ровно столько же я нахожусь на троне Аматэрасу… Так что же желает этот даймё?

И вот Фусю подошёл к самому главному, кульминационному моменту, когда следовало приложить всё своё убеждение, лесть, хитрость…

– Ода Нобунага – храбрый воин, верно служивший вашему отцу, незабвенному Огимати Митихито. Он осмелился просить вашей милости лишь потому, что желает скрепить свои законные права императорской печатью.

Гендзи задумался: поставить печать на свиток бумаги не сложно. Но каковы могут быть последствия? Как отнесётся к этому сёгун Тоётоми Хидэёси? – ведь он – регент, и Гендзи обязан согласовывать с ним все важные вопросы ещё в течение года, пока не достигнет совершеннолетия[4].

[4] Тринадцати лет.

Искушённый в подобных делах Фусю, уже получивший от Нобунаги приличное вознаграждение за посредничество, произнёс:

– Тенно, по закону вы обязаны согласовывать с сёгуном лишь дела государственной важности, но никак – свою милость и расположение к тому или иному даймё.

Император с удивлением воззрился на советника, начиная понимать, куда тот клонит.

– Так как Ода Нобунага верно служил покойному императору, – продолжил ловкий советник, – вы, как преемник, имеете право вознаградить его за верность трону, подтвердив своей печатью право даймё на установление пошлин… Тот же в свою очередь обязуется отчислять ежегодно в казну её некоторую часть. Я дам поручение казначейской палате, дабы произвели надлежащие расчёты. Дополнительный приток денежных средств в императорскую казну – совершенно не излишне. Как вы считаете, Гендзи-тенно?

– Я с вами согласен, советник. Я приму даймё завтра, в час Овна* в Серебряном павильоне.

Фусю понял: аудиенция пройдёт в неформальной обстановке – Гендзи в силу своей юности ещё тяготился многочисленными правилами придворного этикета.

* * *

Час Овна выдался чрезмерно жарким, каменная площадь перед дворцом исторгала жар на каждого вступившего в её пределы: будь то придворный, чиновник или самурай. Жара тяжестью давила на плечи, особенно страдали императорские войска, охранявшие Киото: тяжёлые доспехи прилипали к промокшим от пота кимоно, из-под шлемов, украшенных причудливыми рогами, также струились капли пота.

Начальник императорской стражи отдал приказ сменять посты у всех городских и дворцовых ворот каждые полдзиккена*, но и это помогало с трудом. Киото замер под натиском невиданной жары.

Несмотря на это, в час Овна, через южные городские ворота в Киото въехал всадник, окружённый свитой преданных вассалов. По его доспехам, имитирующим чешую дракона, изысканно украшенному шлему и ярко-красному кимоно можно было с лёгкостью определить весьма богатого даймё. В руке одного из вассалов виднелся флажок с гербом клана[5]: жёлтая голова дракона с веерообразными крыльями, так называемым Парящим драконом. Этот герб, взамен старого, принадлежащего провинциальным и не столь знатным предкам даймё, буквально перед смертью утвердил сам император Огимати Митихито.

Даймё также, как и его самураи страдал от летней жары, но не мог остаться в тенистых садах своего замка, ибо ему была назначена величайшей милостью Гендзи-тенно аудиенция.

Даймё и его самураи достигли императорских ворот и спешились. Он протянул старшему стражнику свиток, где за личной подписью советника Фусю указывалось, что податель сего письма должен оставить лошадь, оружие и своих людей, а сам же – препровождён к Серебряному павильону.

Даймё вынул из-за пояса катану и вакидзаси, передав их одному из своих людей. Затем он уверенно пересёк раскалённую дворцовую площадь, и направился к Серебряному павильону, расположенному на берегу живописного пруда.

Дорога, выложенная камнями, петляла среди деревьев, дающих вожделенную тень. Даймё остановился, от жары ему было тяжело дышать, но правила этикета не позволяли ему

[5] Штандарты и гербы могли меняться с течением времени в зависимости от тех или иных обстоятельств. Что касается герба и штандарта рода Нобунага, он предположительно менялся, по крайней мере, дважды. Доподлинно известно, что Ода Нобунага передал родовой замок Оду во владение старшему сыну Нобутаде, как и титул главы клана. Сам же Нобунага удалился на новые земли, пожалованные императором Огимати Митихито, которые располагались вокруг озера Бива, где он построил легендарный замок Адзути.

предстать перед императором без военной амуниции. Сняв шлем, Нобунага почувствовал некоторое облегчение. Приблизившись к пруду, его охватило непреодолимое желание сбросить с себя «драконью чешую» и прямо в кимоно погрузиться в живительную воду.

Соблазн оказался настолько велик, что даймё нагнулся, зачерпнул ладонью горсть воды и сполоснул лицо.

Неожиданно за его спиной послышался шорох… Даймё напрягся: неужели наёмный убийца в стенах самого императорского дворца?.. Увы, но за последние несколько лет в Поднебесной у него значительно прибавилось врагов, готовых заплатить любые деньги за его смерть…

– Господин Нобунага, – раздался вкрадчивый голос.

Даймё безошибочно определил, кому он принадлежал:

– Приятная встреча, советник Фусю.

Советник появился из тени дерева и поклонился.

– Вы готовы к встречи с императором? – поинтересовался он.

– Да, безусловно…

– Тогда идёмте, я провожу вас. Император в прекрасном настроении, я убедил его, что личные симпатии не подвластны регенту.

– Значит, император поставит печать на документе, подтверждающем мои права? – беспокоился даймё.

– Конечно, на тех условиях, о которых мы говорили. Но, если вы пожелаете изменить их со временем…

– Советник, – перебил даймё, – я служил покойному императору. Моё слово – слово самурая!

Фусю остановился и примирительно поклонился Нобунаге.

– Я не сомневаюсь в вашей чести, господин Нобунага.

– И правильно делаете, советник! – резко заметил даймё и надел шлем.

После непродолжительной перепалки они проследовали к Серебряному павильону и поднялись на нижнюю веранду, защищённую от изнуряющего зноя кроной разросшихся деревьев. Нобунага почувствовал, как его обдало прохладой и ароматом цветов.

Посредине веранды сидели три молодые девушки и наигрывали на бива[6] приятную протяжную мелодию.

– Эту мелодию сочинил сам император, – пояснил советник. Даймё лишь одобрительно кивнул в ответ. Он любил музыку, несмотря на свой жестокий и воинственный нрав, – ничто прекрасное ему не было чуждо. Но сейчас Нобунагу заботила встреча с Гендзи, которого он в последний раз видел ещё при жизни Огимати, и многое с тех пор изменилось.

По мере того, как Нобунага в сопровождении советника Фусю поднимался на второй этаж павильона, до его слуха доносились стихи:

– Северный ветер
Рвёт листья с деревьев.
Листья кружатся,
Медленно падают вниз
Чтобы снова взлететь…[7]

[6] Струнный инструмент.

[7] Здесь и далее используются танка (пятистишье) Крючковой Елены.

Наконец перед ними открылась просторная веранда, украшенная множеством серебристых гирлянд, которые оплетали деревянные колонны, балки, свисали с потолка, подобно блестящему дождю…

Молодой придворный поэт в кимоно цвета акации декламировал свои сочинения перед Гендзи-тенно, его матерью, вдовствующей императрицей Аояги и несколькими придворными. При виде советника и даймё он ретировался, удалившись вглубь веранды.

Госпожа Аояги невольно улыбнулась и, делая вид, что обмахивается веером, слегка прикрыла им лицо. Внутри Нобунаги поднялись давно забытые чувства – Аояги была по-прежнему хороша и желанна, несмотря на то, что недавно минула её тридцать четвёртая весна. Кимоно бледно-розового цвета, расшитое цветами гиацинта, придавало женщине некую девичью свежесть, её чёрные блестящие волосы, ниспадавшие на плечи, струились подобно великолепному водопаду.

Даймё невольно вспомнил, как боготворил молодую императрицу, восхищаясь её красотой, умом, умением вести беседу и порой направлять помыслы императора в нужное русло. Ему не хотелось признаваться, что своей преданной службой династии Огимати он обязан, прежде всего, прекрасной Аояги.

Советник Фусю сделал несколько шагов вперёд и почтительно поклонился.

– Тенно, явился господин Нобунага с нижайшей просьбой, – негромко сказал он.

Император пристально воззрился на просителя. В свою очередь даймё заметил насколько ему знаком сей взгляд – Гендзи был как две капли воды похож на покойного Огимати Митихито.

Нобунага приблизился к татами, на котором расположились Гендзи, госпожа Аояги и придворные. Он опустился на колени, снял шлем, поставил его рядом с собой и, склонившись в поклоне, коснулся лбом пола.

Гендзи молчал, взвешивая, стоит ли удовлетворять просьбу даймё? Будет ли этот вассал верно служить ему?

– Я рад видеть вас, господин Нобунага, – наконец произнёс Гендзи. Начало разговора означало, что проситель может подняться с колен и внимать словам императора.

– Благодарю вас, тенно. Для меня великая честь видеть вас и госпожу Аояги.

Вдовствующая императрица снова улыбнулась, вспомнив годы молодости, проведённые вместе с даймё.

– Что вы думаете о стихосложении молодого поэта? – неожиданно спросила госпожа Аояги.

Нобунага невольно вздрогнул, дрожь пробежала по всему телу.

– Они весьма изысканны, моя госпожа.

– Насколько я помню, вы также упражнялись в этом благородном ремесле.

Аояги пристально воззрилась на даймё, поигрывая веером, терпеливо ожидая ответа.

– Да, госпожа, но это было очень давно… – наконец ответил он.

– Вы правы… – согласилась красавица и вздохнула.

– Никогда не думал, что господин Ода Нобунага, верный самурай покойного императора, надеюсь, что вы также будете служить и мне, – Гендзи многозначительно посмотрел на даймё, – питал слабость к поэзии.

– Это так, мой тенно, – подтвердил даймё.

– А сейчас? Прекрасные строфы, ласкающие слух, не приводят вашу душу в трепет? – поинтересовалась госпожа Аояги.

– Вы позволите мне… прочесть?

Гендзи-тенно милостиво кивнул. Даймё отрешённо глядел вдаль, словно не был в Серебряном павильоне Императорского дворца, а наслаждался красотой холмов, раскинувшихся вокруг Бива.

– Сорванный ветром
Сакуры яркий цветок
Летит в небеса.
Почему он летает?
Потому, что свободен?..

Госпожа Аояги невольно вспомнила: это то самое пятистишье, которое ей так нравилось почти десять лет назад, она даже записала его и хранила свиток в своих покоях.

Юный император интуитивно ощутил, что между его матерью и господином Нобунагой существует некая неизвестная ему связь. Но какая? Как давно она была? И была ли вообще? Ведь так могут разговаривать мужчина и женщина, которым есть, что вспомнить… Впрочем…

Гендзи взглянул на свою матушку – несомненно, она ещё красива и достойна любви… Отец умер, он занял трон Аматэрасу, что останется ей – просто женщине?

Гендзи хлопнул в ладоши, советник Фусю, ожидавший своего часа, тотчас приблизился к императору. Тот отдал короткое распоряжение, Нобунага уловил смысл – оно касалось прошения.

Советник Фусю удался вглубь веранды и вернулся, держа в руках шкатулку из резного дерева, затем опустился на колени перед юным императором и открыл её.

– Ваша просьба, господин Ода, рассмотрена, – произнёс Гендзи. – Этот документ скрепляет законное право, согласно которому вы вольны устанавливать размер пошлины по своему усмотрению…

Нобунага в знак благодарности поклонился.

Глава 2

Тоётоми Хидэёси[8] – регент Поднебесной, человек, обличённый неограниченной властью, возлежал рядом со своей наложницей. Пресытившись любовными ласками, он не обращал внимания на молодую женщину. Раскинувшись на шёлковом одеяле, облачённый в юката*, он предавался размышлениям.

Последние три года Тоётоми пребывал наверху блаженства, наслаждаясь долгожданной властью. Гендзи в силу юного возраста ничего не предпринимал без его ведома, но, увы, время неукротимо шло вперёд, оставляя регенту всё меньше шансов безраздельно править Поднебесной.

Тоётоми долго взбирался на вершину власти: ловкий интриган, и в то же время бесстрашный воин, умудрённый огромным жизненным опытом, постоянно выжидавший подходящего момента, дабы укрепить своё влияние и приобрести сторонников в стане покойного императора Огимати Митихито.

Неожиданно удача повернулась к самураю лицом: император тяжело заболел, тот же в свою очередь, не скупился на подкуп и посулы, дабы стать регентом и Верховным сёгуном. Теперь же Тоётоми был обеспокоен проявлением чрезмерной самостоятельности юного Гендзи. Подписать прошение Оды Нобунаги без его ведома – неслыханно! Неужели этот отпрыск рода Огимати умеет проявлять характер? Неужели он будет таким же, как покойный Митихито, который никогда полностью не доверял Асикаге Ёсиаки, предыдущему сёгуну?

Хидэёси также помнил о том, что Нобунага был верным псом Огимати Митихито. Конечно, он догадывался, что это была не просто преданность господину, а нечто большее. Здесь была замешана красавица Аояги. Её симпатии по отношению к Нобунаге, были явными, но покойный Митихито никогда не высказывался против того, что императрица излишне благоволит к даймё.

Теперь же Нобунага снова приближен, да ещё и обласкан юным императором. Увы, но советник Фусю, этот старый лис, отказался от тысячи рё, предложенных посредником регента. Как ни старались верные люди регента склонить советника на свою сторону – безуспешно, он был предан трону Аматэрасу и видел в служении императору смысл всей своей жизни.

В последнее время регент всё чаще стал подумывать: не послать ли ему в подарок советнику, скажем, дорогой перстень, пропитанный медленнодействующим ядом? Конечно, такой яд безумно дорог и в Поднебесной не найдётся ни одного смельчака, согласившегося бы его изготовить. Видимо, придётся отправить верного человека в Китай. Уж там, особенно в Пекине, можно при желании найти что угодно.

«Что ж, остановлюсь на подарке для старого Фусю… Он прожил слишком долгую жизнь… А, если он не примет подарок?.. Надо найти нужного человека, которому советник доверяет. Или доверял… Медлить нельзя: императорская казна будет неустанно пополняться за счёт доходов Нобунаги. Не хватало ещё, чтобы мальчишка направил эти средства на укрепление своих войск…» – размышлял регент.

Тоётоми взглянул на наложницу – она дремала, тончайшая юката была распахнута, упругая грудь притягательно вздымалась при каждом вздохе. Он прильнул щекой к животу женщины, погладил её стройные ноги и ощутил желание.

---

[8] Тоётоми Хидэёси – бывший соратник Оды Нобунаги при устранении сёгуна Асикаги Ёсиаки, стремившегося свергнуть императора Огимати и захватить власть. Используя полкупы и интриги, Тоётоми сумел убедить Императорский совет и стать регентом при малолетнем императоре Гендзи (Гоёдзей), сыне Огимати. Регент обычно являлся и сёгуном, в его руках была сосредоточена вся исполнительная и военная власть, он решал: кого казнить, а кого помиловать.

* * *

Хитоми пробудилась рано, едва забрезжил рассвет и наступил час Зайца*. Она сладко потянулась и снова укуталась шёлковым одеялом. Через два дня ей исполнится двенадцать, и она станет взрослой девушкой, возможно отец заключит выгодный союз и выдаст её замуж…

Хитоми свернулась калачиком, ей вовсе не хотелось думать о замужестве, она ещё слишком молода для того, чтобы возлечь на брачное ложе с мужчиной и удовлетворить его желания. Она вообще смутно представляла, как это делается, хотя знала, что все невесты перед свадьбой проходят специальное обучение, дабы не опозорить свой род неумелыми действиями во время первой брачной ночи.

Хитоми, конечно, слышала, как молодые служанки шепчутся, обсуждая достоинства того или иного самурая, вассалов её отца, Оды Нобунаги, – и только, на этом её познания о любви заканчивались. Девочка, теперь уже можно сказать, девушка, ибо три дня по достижении совершеннолетия пролетят быстро, сожалела, что ей не с кем посоветоваться – мать умерла вторыми родами. Пожалуй, Хитоми не постеснялась бы обратиться к наложнице отца, но он изгнал её из замка ещё давно. С тех пор Ода Нобунага не испытывал длительной привязанности к женщинам, постоянно меняя наложниц и, довольствуясь ласками избранных служанок. Те же почитали внимание господина за честь и всячески старались доставить ему удовольствие.

Хитоми не хотелось больше лежать, она встала и накинула поверх юкаты верхнее шёлковое кимоно. Оби* завязывать не хотелось – слишком долгое и кропотливое занятие.

Девушка открыла заветный сундук, в нём хранились дорогие девичьему сердцу вещи, в том числе и Кодзики[9], ещё принадлежавший покойной матери.

Она развернула первый свиток:

«В те времена, когда Хаос уже начал сгущаться, но ещё не было явлены ни Силы, ни Формы, и не было ничего ещё Имени, и ни в чём Деяния, кто мог бы познать его образ?

Но вот впервые настало разделение Небо-Земли, и три божества совершили почин творения; и раскрылись Мужское и Женское начала, и Два духа стали родоначальниками всех вещей…»[10]

Хитоми часто читала Кодзики, ей казалось, что божественные свитки навсегда сохранили тепло материнских рук и так она может соприкоснуться с духом матери.

– Слышишь ли ты меня, мама? Мне так не хватает тебя…

Девушка расположилась на татами, прижала Кодзики к груди, закрыла глаза и попыталась вызвать из глубин памяти дорогой образ матери. Прошло почти шесть лет со дня её смерти, и милые сердцу черты постепенно теряли чёткость, они удалялись всё дальше и дальше…

Хитоми тряхнула головой, отчего длинные волосы, слегка собранные на затылке в узел, рассыпались и разметались по татами. Она убрала свиток обратно в сундучок, закрыла его, раздвинула фусуме и выглянула из комнаты. В замке Адзути стояла тишина, даже Ода Нобунага, имевший привычку пробуждаться в час Тигра*, едва небосвод озариться всполохами восхода, спал после прибытия из Киото.

---

[9] Кодзики – записи о деяниях древности. Содержит мифы о сотворении Неба и Земли. Весьма почитаем синтоистами, поклоняющимися всему живому и обожествляющими: воду, воздух, землю, деревья, камни и т. д.

[10] Перевод со старояпонского Е.М.Пинус, 1972 год

Хитоми выскользнула из комнаты и, не торопясь, ибо длинное кимоно, не подхваченное оби, не позволяло двигаться иначе, направилась к лестнице, ведущей на нижний ярус замка.

До слуха Хисикава Моронобу донёсся лёгкий шелест. Он, как истинный самурай, исполнявший свой долг, внутреннюю охрану замка Адзути, мгновенно сосредоточился, приготовившись извлечь из-за пояса вакидзаси. Но затем он уловил тончайший аромат сирени, который мог принадлежать только госпоже Хитоми.

Моронобу увидел девушку, спускавшуюся по лестнице. Первые лучи солнца, проникавшие через множество сёдзи*, придавали ей сходство с мифическим существом. Они падали на шёлковое кимоно, отчего одеяние, бледно-голубого цвета, принимало оттенок фиолетового; чёрные волосы девушки отливали медью, её белая матовая кожа, словно созданная искусным фарфористом, казалась прозрачно-бледной…

Самурай замер, он почувствовал, как по спине пробежали «мурашки», внизу живота начало пульсировать… Он устыдился своих чувств, но ничего не мог поделать – Хитоми вызывала в нём желание.

Девушка поравнялась с ним и улыбнулась. Её необычный миндалевидный разрез глаз в то же время с неким кокетливым прищуром, который она унаследовала от матери, госпожи Но-Химэ, что была из древнейшего племени Айнов[11], завораживал.

– Госпожа! – обратился Моронобу, подавив волнение и едва узнав свой голос.

Девушка остановилась и взглянула на самурая, широко распахнув глаза от удивления – вассалы отца избегали разговаривать с ней.

Моронобу немного оробел, но быстро взял себя в руки.

– Вы рано пробудились, госпожа. Ещё не наступил час Дракона… В замке все спят…

– Я знаю. Как вас зовут?

Самурай поклонился.

– Хисикава Моронобу, моя госпожа.

– О! Так вы верно, сын того самого храброго вассала, который пять лет назад спас отца от верной смерти?! – спросила Хитоми. Самурай скромно поклонился: действительно Ода Нобунага был обязан его отцу жизнью. – Вы не так давно на службе?

– Да, моя госпожа.

Любопытство Хитоми было удовлетворено сполна, единственное, что она хотела бы ещё узнать: сколько же лет красивому самураю? Она опять улыбнулась, решив, что, скорее всего, – шестнадцать. Иначе отец не взял бы его на службу и не доверил охранять Адзути.

Хитоми направилась к сёдзи, ведущей в сторону небольшого замкового пруда.

– Госпожа желает помолиться в Адзэкуру[12]? – дерзнул спросить Моронобу.

Хитоми, не поворачиваясь, кивнула, раздвинула сёдзи и с удовольствием вдохнула свежий утренний воздух.

Наслаждаясь кратковременной прохладой, которая бесследно исчезнет к часу Змеи* и воздух вновь раскалится так, что тяжело будет дышать, Хитоми направилась к замковому пруду, где на сваях возвышалось святилище.

Девушка вошла в Адзэкуру, её обдало запахом воды и цветочным ароматом – каждый день святилище украшалось свежими цветами, дабы задобрить Аматэрасу и Окамэ, дарующую счастье и спокойствие. Она опустилась на колени напротив алтаря, изображавшего лик Богини Солнца. По правую сторону от неё виднелась огромная черепаха Окамэ, по отношению к которой молодые обитательницы замка были особенно щедры.

---

[11] Айны – племена, заселившие остров Хоккайдо и Хонсю задолго до появления японских племён. Предположительно, они пришли с Алтая.

[12] Синтоистское святилище в честь богини солнца Аматэрасу.

Хитоми закрыла глаза и сосредоточилась: что же она желает попросить у Окамэ? – как и все, счастья и спокойсвтвия? Возможно…

Девушка и сама не знала, чего она хочет. Неожиданно, повинуясь некому порыву, она встала, скинула с себя верхнее кимоно, оставшись лишь в одной юката. Затем, сложив ладони вместе и прижав их к груди, поклонилась богам, и начала ритуальный танец кагура.

* * *

Юрико надела хлопковое кимоно цвета лимона, завязала тонкий пояс оби-агэ, поверх него – терракотовый оби. Затем пристегнула брошь, изображавшую стрекозу с огромными голубыми глазами из топазов, и ловко продела в неё декоративный шёлковый шнурок. После того, как наряд был закончен надлежащим образом, она собрала волосы на макушке и закрепила их тремя длинными шпильками.

Юрико намеренно пробудилась чуть свет, собираясь в святилище, надеясь, что в столь ранний час будет там одна, наедине с богами и попросит Аматэрасу и Окамэ о милости.

Она раздвинула сёдзи, ногой нащупала гета*, машинально надела их и направилась к Адзэкуру.

Минуя живописный мостик, соединявший пруд и небольшой искусственный водоём, Юрико остановилась и задумалась: будут ли боги снисходительны? Внемлют ли они её просьбам? Она никогда ни о чём их не просила – боялась, что всесильная Аматэрасу прогневается за грехи матери.

Юрико попыталась вспомнить: когда же в последний раз она видела свою мать? – по всему получалось почти два года назад. То, что она увидела – показалось страшным и постыдным. Ещё молодая женщина, сохранившая остатки былой красоты, изгнанная когда-то из Адзути за предательство даймё, жила в простой крестьянской лачуге, что рядом с дорогой, ведущей в Киото. Небогатые путники останавливались в лачуге на ночь, а хозяйка, став дзёро*, оказывала им услуги определенного характера за весьма скромную плату.

Юрико помнила, как её мать с позором изгнали из замка, а ведь та была наложницей самого Оды Нобунаги. Но бурный темперамент матери не знал разумных пределов, она была настолько любвеобильна, что в отсутствии даймё соблазняла ради прихоти его же верных вассалов.

Юрико было пять лет, когда терпению Нобунаги пришёл конец, и он приказал изгнать неверную наложницу из замка в одном нижнем кимоно. Деваться несчастной было некуда, и с тех пор она поселилась в придорожной хижине, скатываясь в своём поведении всё ниже и ниже.

Нобунага знал, что его бывшая наложница ведёт постыдную жизнь дзёро, в душе считая, что та получила по заслугам, ибо у неё было всё – и любовь, и богатство, которыми она легкомысленно пренебрегла. Он не мог простить предательства…

Юрико смотрела на сине-зелёную воду, настолько прозрачную, что виднелись золотые рыбки, бесконечно сновавшие в глубинах водоёма. Она очнулась от горестных мыслей и продолжила свой путь.

По мере того, как Юрико приближалась к святилищу, до слуха всё отчётливее доносилась старинная песня айнов. Она сразу же поняла: так может петь только Хитоми. Девушка остановилась, раздумывая: стоит ли идти в святилище? И приняв решение, все же поднялась по деревянным ступеням; и, замерев у входа, не торопилась заходить внутрь.

Хитоми кружилась в сложном ритме кагуры, напевая древний мотив. Юрико потихоньку, дабы не мешать, присела около входа под колоколами и многочисленными гокей*, залюбовавшись причудливым танцем младшей сестры.

Юрико невольно почувствовала, что испытывает зависть по отношению к ней. Конечно, даймё не обижал Юрико, считая своей дочерью, ведь девочки были необычайно похожи и красивы, с той лишь разницей, что старшей уже исполнилось тринадцать лет. Но Юрико тяготила жизнь в Адзути, где каждый обитатель замка знал правду о поведении её матери, а значит, она никогда не выйдет замуж, если только за ронина[13]. Впрочем, у неё был выбор – стать жрицей в одном из отдалённых храмов Аматэрасу. Увы, подобная жизнь совершенно не привлекала девушку: ей хотелось свободы и богатства. Но откуда им взяться?..

Хитоми завершила танец глубоким поклоном, предназначенным Богине Солнца, и, наконец, заметила сестру, скромно сидевшую у входа.

– Юрико? Ты тоже рано пробудилась? – удивилась она.

– Да. Хотела побыть в одиночестве, попросить богов о милости… – Ответила девушка и поднялась с колен. Она приблизилась к младшей сестре и пристально на неё посмотрела, с удивлением обнаружив, что они стали ещё больше похожи.

– Ты хочешь помолиться о хорошем женихе? – полюбопытствовала Хитоми.

– Возможно… – уклончиво ответила Юрико.

– Что ж, не буду тебе мешать. Через три дня – день моего совершеннолетия.

– Я помню, – спокойно ответила Юрико. Неожиданно в душе поднялась обида: её совершеннолетие прошло куда более скромно, чем планировалось предстоящее празднество.

Хитоми приблизилась к сестре, всецело понимая её тяжёлое душевное состояние. Сёстры были похожи не только внешне, обе и росли без матерей, им в равной степени не хватало женской поддержки.

Хитоми, поддавшись некому внутреннему порыву, обняла Юрико. Та растерялась.

– Приходи в мои покои, я подарю тебе новое кимоно, что привёз отец из Киото. Будешь на празднике самой красивой, наверняка кто-нибудь из гостей обратит на тебя внимание. Ты такая же дочь Оды Нобунаги, как я …

Юрико заглянула сестре прямо в глаза.

– Ты же знаешь, что – нет… Но всё равно я тебе благодарна.

* * *

Тория, старший сын регента и сёгуна Тоётоми Хидэёси, скучал. Отец постоянно заставлял его совершенствоваться в буси-до[14], чем вызвал откровенное раздражение сына. Тория, рожденный от любимой жены Манами, к разочарованию Хидэёси рос ленивым, изнеженным, не проявляющим ни малейшего интереса к делам семьи и сёгуната.

Вот и сейчас он попросту лежал на циновке в своих покоях, предаваясь любимому занятию – безделью. Поначалу, сёгун пытался заставить сына проявить себя на поле боя, но безуспешно. Тория вёл себя безынициативно, порой даже трусливо. Увы, но сёгуну, достигшему столь желанных высот власти, приходилось признать: старший сын не удался. И в кого только такой уродился?

Иногда у Хидэёси закрадывались сомнения, что Тория – не его сын, а плод измены его любимой жены. Ведь он часто оставлял её одну в замке Исияма[15], удаляясь в Киото по делам государственной важности. Даже допуская возможность измены, сегун не мог пред-

[13] Ронин – самурай, потерявший службу у даймё по какой-либо причине.

[14] Путь воина.

[15] Исияма – резиденция сёгуна Тоётоми Хидэёси недалеко от Осаки. Ранее крепость Исияма принадлежала буддистским монахам, затем ею завладел Тоётоми и перестроил в замок. Вокруг замка постепенно отстраивались дома сановников и самураев, верных сёгуну. Осака занимала выгодное стратегическое положение, из рыбацкой деревни став одним из крупнейших портов того времени, что способствовало развитию и обогащению Исиямы.

положить: кто же из его вассалов наградил Тория столь дурной кровью? Перебирая одного претендента за другим, сёгун терялся в догадках. Его размышления обычно сводились к одному – всё-таки Тория его сын, в этом нет сомнений: ведь внешне они так похожи!

Недавно Тории исполнилось шестнадцать лет – возраст, когда юноша становится мужчиной, воином, мужем и нередко отцом.

Но он не проявлял интереса к военному ремеслу, и как ни старался Хидэёси, нанимая лучших киотских гейш, настоящего мужчины из него так и не вышло. Тория был слаб, и потому семяизвержение свершалось мгновенно, стоило ему лишь прикоснуться к обнажённой груди гейши.

В последнее время Тория занимал себя тем, что рисовал в своём воспалённом воображении непристойные сцены, которые он просто мечтал осуществить с какой-нибудь гейшей. Но отец, отчаявшись, перестал нанимать киотских красавиц, предпочитая посещать их сам во время пребывания в столице.

Доведя себя порой подобными фантазиями до исступления, Тория метался по своим покоям, как безумный, круша всё, попадавшееся на пути. В этот раз он представлял непристойную картинку с участием Мико, старшей наложницы своего отца.

Мико была не молода, ей минуло тридцать лет, десять из которых она посещала спальню Хидэёси. Женщина была искусна в любви, но, увы, со временем господин охладел к ней, предпочитая киотских красавиц и юную наложницу.

Мико с достоинством приняла свою участь, но не посмела просить о милости выдать её замуж. За время своего фавора она родила Тоётоми двух дочерей, теперь же она вела затворнический образ жизни, редко покидая свои покои.

Тории нравилась Мико, он питал по отношению к ней некое чувство, природу которого определить невозможно.

Вероятно, оно зародилось давно, когда он ещё десятилетним мальчиком проводил время рядом с фусуме спальни, где отец и Мико предавались любви. Тория закрыл глаза, отчётливо вспомнив те возгласы восторга, издаваемые любовниками, их сливающиеся тела, едва различимые через рисовую бумагу перегородки…

Однажды мать застала Торию за его недостойным занятием. Её гордость и честь были уязвлены. Но что она могла сделать? – всего лишь женщина, мать и жена…

Манами ничего не сказала мужу, лишь пожурив сына, который так и не оставил своих занятий, став осторожнее. Вскоре у Тории появилась другая привычка: подглядывать за девушками, когда они купаются в фураке[16].

* * *

Тория засунул кинжал за пояс и направился в восточное крыло Исиямы, где жила Мико. В голове царил хаос – юноша точно не знал для чего он идёт к бывшей наложнице и что от неё желает.

Перед входом в Восточное крыло Тория замялся, внезапно его охватил страх, но, преодолев его, юноша всё же раздвинул сёдзи их и вошёл внутрь. Миновав охрану, он оказался в покоях Мико – они были изысканно и богато обставлены. Хидэёси умел быть благодарным по отношению к женщинам, подарившим ему лучшие минуты жизни.

Женщина рисовала, из-под кисточки на бумаге появлялись причудливые птицы. Она подняла голову и удивлённо взглянула на нежданного гостя.

– Господин Тория, вы решили навестить меня?

– Да…

[16] Фураке – бочка для мытья.

Мико жестом пригласила юношу присесть на татами, что он тотчас не замедлил сделать.

– Как себя чувствует госпожа Манами? – из вежливости поинтересовалась хозяйка покоев.

– Благодарю… с ней всё хорошо…

Мико улыбнулась.

– Может быть, вы хотите присоединиться к моему занятию? Это не сложно, – предложила она.

Тория растерялся. От его решительности и болезненных фантазий ровным счётом ничего не осталось.

– Пожалуй… – согласился он.

Мико положила перед гостем чистый лист рисовой бумаги и поставила тушечницу с кисточкой. Тория растерянно посмотрел на все эти атрибуты.

– Что я должен делать?

– Рисовать…

– Но я не умею…

– Тогда, давайте займёмся каллиграфическим письмом, – неожиданно предложила Мико.

Тория кивнул, взял в правую руку кисточку, обмакнул её в тушь и замер.

– Не знаю, что написать, – признался он.

Мико ласково улыбнулась. Юноша почувствовал, что эта улыбка всколыхнула в нём некие чувства и тайные желания…

– Например, иероглиф *«Желание»*…

– Хорошо.

Тория ловко, несколькими решительными мазками отобразил иероглиф.

– Прекрасно. А теперь – *«Женщина»*…

Юноша пристально посмотрел на Мико, она была дивно хороша. В этот момент он прекрасно понимал отца, любившего наложницу почти десять лет. Её пухлые губы манили, её кожа источала нежный аромат, её волосы призывно блестели…

Он попытался сосредоточиться на письме и снова быстро, но на сей раз – небрежно, отобразил *«Женщину»*.

Мико посмотрела на его труд.

– Хорошо, но *женщина* не терпит торопливости.

Слова попали в цель: Тория почувствовал себя уязвлённым. Он машинально схватился за рукоятку кинжала. Мико, прекрасно зная о неуравновешенном и вспыльчивом характере гостя, обворожительно улыбнулась.

– А тем более оружия, – заметила она, предвосхищая желание юноши извлечь кинжал. – Не желаете ли выпить сливового вина?

Тория молчал. Мико подошла к низкому столику, на котором стоял кувшин и две маленькие чашечки, из которых обычно пьют сакэ. Изящным движением она наполнила вином чашки, поставила на серебряный инкрустированный поднос и поднесла гостю.

– Прошу вас, господин Тория. Оно вам понравится.

Юноша немного успокоился: голос Мико действовал на него благотворно. Он пригубил вино и внезапно, почти сразу же, он почувствовал лёгкость во всём теле.

– Что это? – еле слышно спросил он.

– Я же сказала: сливовое вино, – ответила женщина, также делая глоток из чашечки.

– Оно… странное…

– Вы чувствуете себя легко и раскованно?

Тория удивился: как это точно Мико определила его состояние!

– Теперь изобразите иероглиф *«Удовольствие*», – сказала Мико и поставила чашечку на татами.

Тория допил вино, взял кисточку и попытался несколькими размашистыми мазками написать *«Удовольствие»*. Иероглиф получился несколько смазанным и неровным.

– Ничего страшного, – ободрила его Мико. – Это только первый урок. Я уверена, если мы будем постоянно заниматься каллиграфией, то вы прекрасно овладеете *«Удовольствием»*.

Она вынула шпильки, которые скрепляли волосы, те тотчас рассыпались по её плечам. Тория почувствовал, что страстно желает прикоснуться к ним. Он подсел к женщине как можно ближе, с новой силой ощутив её аромат, и погладил рукой волосы.

Мико нежно обняла юношу за шею, привлекла к себе и поцеловала в губы. Поцелуй получился долгим и страстным. Торию пронзило желание: он испугался, что вновь произойдёт преждевременное семяизвержение.

Мико, словно проникнув в сокровенные мысли юноши, сняла пояса и распахнула кимоно. Кровь прилила к голове Тории, когда он увидел обнажённую женскую грудь и потянулся за женскими прелестями… Но Мико резко встала и направилась к ложу, устланному богатым шёлковым покрывалом.

Тория вскочил и кинулся за ней. Мико не побоялась выставить вперёд правую руку и остановить нетерпеливого партнёра.

– Вы великолепно справились с первым уроком, господин Тория. Теперь вам следует раздеться.

Юноша подчинился: желание Мико оказалось для него законом и залогом предстоящего всепоглощающего *удовольствия.* Наконец-то его безумные мечты воплотятся…

Он сбросил кимоно, снял хакама*, оставшись обнажённым.

– У вас красивое тело, – заметила Мико. – Нам следует пожелать взаимного удовольствия, – она поклонилась юноше, тот ответил тем же.

*** * ***

На следующее утро Тория решительно вошёл в покои отца. Тот изучал документы, попутно подписывая некоторые из них. Рядом стоял секретарь, готовый исполнить любое поручение регента.

Хидэёси оторвался от очередного документа и с удивлением воззрился на своего отпрыска, опасаясь очередной безумной выходки.

Тория сел напротив отца.

– Отец, я хочу просить вас об одном одолжении.

Хидэёси встрепенулся: чтобы сын говорил подобным достойным образом – неслыханно!

– Говори, Тория. Я постараюсь сделать всё, что в моих силах.

Юноша покосился на секретаря. Регент сделал знак и тот удалился.

– Я дерзну просить вас: отдайте мне Мико в наложницы! – выпалил Тория и сам испугался своей просьбы.

Хидэёси округлил глаза.

– А женщина желает этого?

– Да. Эту ночь я провёл в её покоях… – признался Тория. – Она… она – искусная любовница.

Хидэёси улыбнулся: в способностях Мико он никогда не сомневался.

– Сын мой, но Мико старше тебя более чем на десять лет.

– Мне всё равно. Я желаю её…

Хидэёси смотрел на сына и не узнавал его – перед ним сидел совершенно другой человек.

– Пусть будет так, как ты желаешь. Мико твоя.

– Благодарю вас, отец.

Глава 3

Замок Адзути возвышался на холме, что раскинулся близ озера Бива. Окружённый высокими каменными стенами[17], из-за которых стремительно, словно полёт стрелы, вздымались ввысь три сторожевые башни-ягура, при первом же приближении он производил неизгладимое впечатление на гостей, прибывших на праздник совершеннолетия Хитоми.

Высота башен-ягура была настолько велика, что некоторые из гостей, покинув свои паланкины и не в силах скрыть изумления, стояли под стенами замка буквально с открытыми ртами. Один из даймё сравнил башни с тремя стрелами, и это поэтическое название вполне соответствовало их внешнему виду.

Налюбовавшись вволю красотой замка, гости снова расселись по паланкинам, слуги перенесли их по подъёмному мосту, переброшенному через ров, наполненному водой. Над воротами виднелась невысокая сторожевая башня, увенчанная новым гербом дома Оды – *Парящим драконом*.

Богатство Оды Нобунаги было несметным, что собственно и вызывало зависть соседей-даймё, и в такой знаменательный день хозяин Адзути пригласил только сподвижников, с которыми некогда служил покойному императору Огимати Митихито.

В Адзути стекались богатые паланкины в сопровождении охраны, устремлялись конные отряды вассалов – все они спешили на предстоящий праздник.

Замок, со множеством комнат, отделанных будзинга* по последней киотской моде, с изящными расписными внутренними раздвижными перегородками, произвели на гостей почти такое же впечатление, как и башни.

Гости продолжали прибывать. Прибывшие же предавались приятному времяпрепровождению. Женщины с удовольствием прогуливались вокруг замкового пруда, зонтиками защищая кожу от палящего солнца и прячась в тени деревьев, неустанно обсуждая невиданные красоты Бива и Адзути. Некоторые из мужчин играли в го[18], другие же осматривали конюшни и фортификационные сооружения, не скрывая своего удивления и восторга.

* * *

Хитоми волновалась, впервые в жизни ей предстоит увидеть столько гостей: как они воспримут её? Понравится ли женщинам её праздничное кимоно? Найдёт ли её красота отклик в мужских сердцах?

Едва пробил час Дракона, как Юрико поспешила в покои сестры, дабы поддержать её в столь ответственный день.

…Юрико примеряла кимоно, обещанное сестрой: бирюзовый цвет был ей к лицу, а бело-серые журавли, вышитые на шёлке, смотрелись безупречно.

– Прекрасное кимоно. Ты выглядишь, как невеста императора. – Заметила Хитоми, любуясь сестрой.

Юрико улыбнулась и посмотрелась в зеркало из серебряной амальгамы. Да, она была ослепительна!

– Если бы ты знала, Хитоми, как я хочу выйти замуж! – призналась девушка.

---

[17] Ода Нобунага первым в Японии окружил замок высокими каменными стенами, используя при возведении Адзути европейские принципы строительства. Предположительно строительство Адзути продолжалось почти десять лет под руководством архитектора Нивы Нагахидэ. До настоящего времени легендарный замок не уцелел, не выдержав многочисленных клановых войн.

[18] Го – древняя японская игра, аналог шашек.

Хитоми удивлённо вскинула брови.

– Так рано? Тебе плохо в Адзути?

Юрико внимательно посмотрела на младшую сестру.

– Нет, отец и ты добры ко мне. Но… ты же всё знаешь… Зачем спрашивать?

– Если ты понравишься знатному даймё или сыну вассала – отец даст за тобой достойное приданное. Я не сомневаюсь!

– Мне бы этого очень хотелось. Я хочу стать хозяйкой замка!

– Да, конечно, – Хитоми прекрасно понимала сестру, которая тяготилась своим положением в Адзути, постоянно стыдясь матери. – Но мне не хочется замуж… Вернее хочется, но позже… Я ещё не разобралась в своих чувствах.

Юрико засмеялась.

– Неужели, ты влюблена?!

– Не знаю… Но я постоянно думаю об одном самурае, – призналась Хитоми.

– Неужели? И кто же он? Если не секрет…

Хитоми замялась, но всё же открыла свой секрет:

– Хисикава Моронобу.

Юрико на мгновение задумалась, посреди её лба пролегла сосредоточенная складка…

– Кажется, Хисикава-старший спас нашего отца во время битвы. Что ж, Моронобу – достойный юноша. Он честен, смел, красив, не беден, предан нашему роду. Интересно Хисикава-старший пребудет на праздник в окружении своих воинов?

– Конечно, как того требуют правила этикета, – уверенно подтвердила Хитоми.

– Мне кажется, что отец не одобрит твоего выбора, – предположила Юрико.

– Почему?

– Ты – дочь одного из богатейших даймё, вхожего к самому императору. Моронобу же – просто самурай, вассал нашего отца.

– Но…но… – Хитоми хотела возразить, но так и не успела. В её покои вошли служанки. Две из них аккуратно держали в руках праздничное кимоно, третья – нижнее юката, четвёртая – небольшой сундучок, в котором лежали все необходимые аксессуары: пояса, шлейф, который пристёгивался к праздничному кимоно; подвески, брошь…

– Госпожа, Хитоми, близится час Змеи. Мы должны причесать и облачить вас в праздничные одежды, – почтительно, согнувшись в поклоне, произнесла одна из служанок.

– Преступайте. Но не забудьте сделать Юрико причёску, как у госпожи Омито, – распорядилась Хитоми.

– Она же украсила волосы перьями птиц! – воскликнула Юрико.

– Конечно. На тебе будет надето кимоно с журавлями, значит, волосы могут украшать перья этих прекрасных птиц, – констатировала Хитоми.

Служанки растерянно переглянулись.

– Госпожа, но у нас нет специально приготовленных журавлиных перьев…

– Досадно… Сколько у нас времени до начала празднества? – поинтересовалась Хитоми.

– Немного. Артисты бугаку[19] уже прибыли из Киото. Думаю, у нас осталось не более дзиккена. Господин Нобунага пожелал, чтобы к часу Лошади* всё было готово, – дерзнула ответить одна из служанок.

– Хитоми, не стоит из-за меня так беспокоиться. У меня есть три нити прекрасного жемчуга, они как раз подойдут под журавлиный наряд.

---

[19] Бугаку – ранний театральный жанр японского искусства. Включал в себя как ритуальные представления и песнопения, так и развлекательные – светские.

– Да, да… Если их вплести в волосы… – задумалась Хитоми, глядя в зеркало, – получится весьма изысканно…

Старшая служанка приблизилась к Хитоми, распустила ей волосы и начала расчёсывать мягкой щёткой. Девушка закрыла глаза, её воображение рисовало Моронобу: вот он скачет на коне в полном военном облачении; вот он – рядом с отцом, Одой Нобунагой; а вот они просто идут по живописному берегу Бива…

Неожиданно ей пришли на память стихи, когда-то написанные матерью:

Подобно птице
Хочу я взлететь в небо.
И стать свободной
Как северные ветра,
Как алый ветер юга…

Хитоми очнулась: почему она вспомнила именно это пятистишье? Ведь свитки, написанные рукой матери, хранят множество стихов…

Девушка открыла глаза: на неё смотрело совершенно незнакомое лицо. Служанка сделала ей высокую причёску, продела в неё декоративные шпильки, украшенные подвесками из драгоценных камней, набелила лицо, подвела чёрной краской глаза и брови, накрасила ярко-красным оттенком губы…

Хитоми покачала головой, подвески всколыхнулись, переливаясь в дневном свете.

– Вы довольны, госпожа? – поинтересовалась служанка.

Девушка ещё раз придирчиво посмотрела на себя в зеркало и ответила:

– Да, вполне…

Две молодые служаки, ещё совсем девочки, наготове держали нижнее алое кимоно. Хитоми скинула хлопковое юката, оставшись обнажённой, девочки тотчас же облачили её в приготовленный наряд, затем подпоясали оби-ита*, и только после этого старшая служанка поднесла госпоже праздничное кимоно цвета азалии[20].

После того, как все пояса были завязаны надлежащим образом, впереди на оби приколота брошь в виде Парящего дракона, сзади к кимоно прикреплён длинный алый шлейф в виде замысловатого банта, наряд Хитоми стал выглядеть безупречно, и вполне мог соперничать с туалетами первых придворных красавиц Киото.

Оставался последний штрих: молодая служанка опустилась на колени перед госпожой и надела ей на ноги изящные поккури[21].

* * *

Ода Нобунага появился в покоях Хитоми в час Лошади. Девушка стояла перед зеркалом, служанка аккуратно расправляла алый шлейф её наряда. Даймё окинул взглядом свою дочь: под гримом и на высокой обуви она казалась гораздо старше. Рядом с ней скромно стояла Юрико. Нобунага сразу же заметил, что Хитоми переуступила своё новое кимоно с журавлями старшей сестре. Он улыбнулся дочерям.

– Вы – просто красавицы. Гости сгорают от нетерпения увидеть вас. Кстати, Юрико, обрати внимание на Токинобу Такуми. Ему уже восемнадцать и он подумывает о женитьбе. Его отец, киотский судья, Токинобу Сабуро, – мой давний соратник и уважаемый человек.

[20] Кимоно цвета азалии – нежно-розовое кимоно с тёмно-зелёной подкладкой.

[21] Поккури – дорогая деревянная обувь, расписанная художником, на ней крепились маленькие колокольчики. Обувь снабжалась специальной плетёной стелькой из травы.

Конечно, этот род не отличается огромным богатством, но имеет в императорской столице вполне приличный дом и множество слуг. – Юрико поклонилась в знак того, что поняла желание отца. – Тобой же, Хитоми, – продолжил заботливый отец, – интересуется Хадано Кайтю. Его владения простираются на север от Киото. Насколько мне известно, род Хадано владеет двумя замками и тысячью воинов, что немало важно.

Хитоми промолчала. Ей не хотелось думать о богатом даймё, на данный момент её интересовал только Моронобу.

– Я готова предстать перед гостями, отец, – покорно произнесла девушка и протянула руку отцу. Так отец и дочь, рука об руку, а вслед за ними – гости, последовали в святилище Аматэрасу, где почтенный каннуси* испросил у божеств благополучия, процветания и счастья для рода Оды.

Хитоми волновалась: перед ней мелькало множество лиц и кто из них – даймё Хадано Кайтю, она так и не поняла. Когда церемония в святилище завершилась, гости проследовали в чайный сад, где под сенью деревьев разместились множество столиков, украшенных букетами полевых цветов, произраставших на берегах озера Бива. Вокруг столиков лежали циновки, дабы все гости могли расположиться в соотвествии с их рангами.

Ода Нобунага и Хитоми сели рядом с почтенным даймё и пожилой женщиной в богатом изысканном кимоно, расшитом крошечными драконами в китайском стиле. На её оби виднелась золотая брошь в виде лисы. Даймё, которому с виду было около двадцати пяти лет, был облачён в тёмно-синее одеяние, на его груди ярко выделялся вышитый фамильный герб – опять же рыжая лисица. Такой герб Хитоми видела впервые.

Гости поклонились Нобунаге, он ответил тем же. Хитоми также выказала им почтительность.

За соседним столиком сидела Юрико, молодая девушка в алом кимоно и двое мужчин, один из которых – достаточно молод, но, увы, совершенно не красив. Далее разместились множество чиновников, прибывших их Киото, и губернатор крохотной северной провинции, давний друг Нобунаги. Словом, – все нужные и почтенные люди.

Музыканты, сидевшие тут же, в тени деревьев, заиграли на цитре[22] приятный неторопливый мотив. Его подхватили флейты-хаяси.

В чайный сад вошли четыре девушки, облачённые в кимоно нежно-зелёного цвета. В руках они держали чайные принадлежности. Девушки рассредоточились, каждая из них подошла к определённому столику, и поставила на него поднос с небольшим чайником из красной глины и такими же чашками.

Затем они наполнили чашки чаем и с поклоном поставили перед каждым гостем – чайная церемония началась.

Ода Нобунага первым взял чашку и пригубил из неё обжигающий ароматный напиток. Затем внимательно посмотрел на своих гостей, заметив, что молодой даймё Хадано не сводит глаз с Хитоми. Девушка старалась справиться с некоторой скованностью и волнением, вызванными торжеством и обилием гостей, также отведала чая. Нобунага заметил, как дрожит рука дочери…

– Хитоми, позволь познакомить тебя с моим соратником даймё Хадано Кайтю, – хозяин поклонился гостю, – и его матушкой, госпожой Хадано Навари.

Девушка поочерёдно поклонилась дорогим гостям. Теперь она поняла замысел отца: усадить её за одним столом с предполагаемым женихом, дабы они могли пообщаться, как то допускают приличия.

[22] Цитра – японский щипковый инструмент, аналог гуслей.

Госпожа Хадано Навари оказалась весьма неразговорчивой особой, впрочем Хитоми была только рада. На все вопросы молодого даймё девушка отвечала односложно и сдержанно. Нобунага же заметил: его дочь произвела должное впечатление.

Наконец, освоившись, Хитоми окинула взором многочисленные столики, в надежде увидеть Моронобу, но так и не найдя его, укорила себя за излишнюю самонадёянность – наверняка он, его отец с самураями охраняют замок.

Юрико почти сразу же догадалась: юноша напротив неё и есть Токинобу Такуми, а мужчина рядом с ним – его отец, киотский судья. Такуми, как воспитанный и образованный человек, завёл разговор о поэзии, литературе и музыке, неожиданно углубившись в учение конфуцианства, видимо, решив сразить девушку своими глубокими познаниями.

Юрико лишь поверхностно владела конфуцианством, и не всегда отвечала собеседнику надлежащим образом. Но, казалось, его это вовсе не смущало. После философских размышлений Такуми предложил почитать свои стихи. Его сестра, девушка в алом кимоно, весьма это одобрила, – бесконечные рассуждения брата утомили её.

Такуми задумался и, положив руки на колени начал читать нараспев, подражая киотским поэтам:

– В темноте ночи
В сумерках своей души
Я всё блуждаю.
Будет ли мне солнца луч?
Будет ли лунный блеск?

Он замолк и внимательно посмотрел на Юрико. Та засмущалась – спасли белила, через которые не проступил стыдливый румянец.

– Вам понравились мои стихи? – обратился Такуми к Юрико.

– Да, очень… – пролепетала она в ответ.

– Я пришлю целый свиток, если, конечно, вы окажите честь принять мои творения.

Юрико слегка поклонилась.

– Благодарю вас, почту за честь.

Судья Токинобу внимательно наблюдал за сыном и Юрико, всё более склоняясь к тому, что они могут стать достойной парой.

Чайная церемония продлилась до часа Обезьяны*. Затем, почти до утра гостей развлекали актёры-бугаку…

Глава 4

Советник Фусю ожидал просителя. Наконец фусуме слегка скрипнула и отъехала в сторону – перед ним появился начальник дворцовой стражи Мунихира Нагаи. Он вошёл в покои и почтительно поклонился.

Советник сидел на коленях, вокруг него было разбросано множество свитков. Он жестом указал просителю занять место напротив.

– Слушаю вас, господин Мунихира.

– Господин Фусю, вы же знаете, что у меня есть сын. Недавно ему исполнилось восемнадцать лет…

– Да, – кивнул советник, – припоминаю. Красивый юноша.

– Благодарю вас, господин Фусю. Так вот он влюблён в дочь господина Агинэ, что из законодательного собрания. Род Агинэ считается одним из древних в Киото и поэтому…

– Господин Агинэ не хочет выдавать свою дочь за вашего сына. Я правильно вас понял?

Начальник дворцовой стражи закивал.

– Да, да, господин Фусю – не хочет! Прошу вашего содействия. Вот примите от меня в знак признательности и уважения, – проситель извлёк из-за пазухи небольшую бархатную коробочку и открыл её. Перед взором советника предстал массивный золотой перстень с бриллиантом, не менее, чем на восемь карат.

– Прекрасная китайская работа, – безошибочно определил советник.

– Вы как всегда правы, господин Фусю. Это действительно – тончайшая китайская работа. Перстень мне привезли на днях из самого Пекина. Прошу вас, примерьте. Если он не подойдёт вам, то я перезакажу другой…

Фусю, искренне тронутый подобным вниманием, взял перстень и надел его на средний палец левой руки, тот пришёлся как раз впору.

– О, господин советник! Перстень сделан на вашу руку как на заказ! – воскликнул Мунихира.

– Просто удивительно… Красивая вещь, бриллиант чистейшей воды…

– Можете не сомневаться! – с горячностью воскликнул Мунихира.

– Хорошо, я понял суть вашей просьбы. Я постараюсь повлиять на господина Агинэ. Надеюсь, ваш сын вскоре насладиться юной красавицей.

Фусю поклонился, тем самым показав, что время визита Мунихиры истекло. Действительно, за фусуме послышался шелест кимоно – пришёл ещё один проситель.

Мунихира покинул покои советника. Пройдя по дворцовым коридорам, он почувствовал слабость в ногах… Несомненно пятьсот рё за подобную услугу – достойная плата от сёгуна, но сейчас начальнику дворцовой охраны так не казалось. Он боялся, что хитрый, умудрённый опытом Фусю тот час же после его ухода снимет смертоносный перстень.

Мунихиру охватил страх…

* * *

Наконец поток просителей иссяк. Фусю мог перевести дух и немного расслабиться. Он позвонил в колокольчик: появилась служанка с подносом, на котором стояла небольшая икебана и чайные принадлежности.

Женщина наполнила горячим напитком чашку, советник махнул ей рукой. Служанка поняла, что может удалиться.

Советник развернул длинный свиток из плотной бумаги. Здесь были отмечены все денежные средства, поступившие в императорскую казну за последние полгода из княже-

ства Нобунаги. Фусю посмотрел на итоговую сумму в самом конце свитка, которая несомненно производила впечатление – почти пять тысяч рё. Таких финансовых вливаний хватит с лихвой, дабы воплотить его давний план: создать личную императорскую гвардию, причём не из японских самураев, а из китайских наёмников, которые снискали славу воинов, безгранично преданных своему сюзерену.

Фусю хотел обезопасить императорскую власть, как и обещал покойному государю. К сожалению, отношения между императорскими институтами власти и всё более набирающим силу сёгунатом, были напряжёнными и порой весьма не простыми, разобраться в которых было под силу только опытному политику.

Советник понимал, если не принять радикальных мер, то государство вернётся к тому периоду, когда император считался фигурой чисто формальной, не принимавшей ни малейшего участия в управлении Поднебесной. Сёгун же сосредоточит в своих руках всю власть, фактически став единовластным правителем. Кто знает, что захочет предпринять Тоётоми? – возможно избавиться от Гендзи-тенно и самому сесть на трон Аматэрасу?..

Фусю сделал глоток чая, по телу распространилось живительное тепло. Он почувствовал, как снова заныли ноги, поэтому встал и прошёлся по комнате. На столе лежали подарки просителей, его слабость к драгоценностям хорошо известна при дворе. Советник скользнул по ним взглядом и чего только не увидел: и коробочки с сапфирами, изящное женское ожерелье для жены, и различные перстни, и мужские броши.

Но более всего советнику пришёлся по душе перстень с бриллиантом, преподнесённый Мунихирой.

* * *

Слух госпожи Аояги услаждала мелодия, которую наигрывал на бива придворный поэт-музыкант. Молодой человек был хорош собой, а вдовствующая императрица ещё свежа и красива. После смерти императора прошло почти четыре года, Аояги достойно соблюдала траур и не предавалась светским увеселениям.

Теперь же её охватила жажда жизни и любви… Она томно любовалась юношей.

Наконец сие занятие наскучило вдовствующей императрице, она приказала принести кисточку и тушечницу, дабы написать письмо Нобунаге. После её последней встречи с даймё минул почти год. Госпожа Аояги часто вспоминала о Нобунаге, а ещё более о годах молодости, когда бесстрашный самурай любил её…

Женщина обмакнула кисточку в тушь и вывела на рисовой бумаге: «Господин Нобунага» …

Затем она задумалась: и что же потом? – как передать даймё свои чувства? – возможно он давно забыл о их прошлой любви… Ведь это было так давно…

Аояги закрыла глаза, молодой Нобунага предстал перед ней как наяву – сильный, смелый, умевший добиваться поставленной цели. Возможно, поэтому покойный император и приблизил его к себе. Расчёт был простым: Нобунага происходил, отнюдь, не из знатного рода Оды, чего весьма стыдился. И как всякий человек его положения старался во что бы то ни стало подняться по социальной лестнице. Император Огимати ловко использовал желание молодого самурая добиться богатства и положения в обществе. Он приблизил к себе молодого даймё, осыпав милостями, взамен же получив, безграничную преданность.

Иногда Аояги думала, что её любовная связь с Нобунагой входила в планы императора. Её покойный супруг не был ревнив, да и потом помимо Августейшей особы из внутренних покоев[23], у императора было пять наложниц. И на увлечения своей супруги Огимати Мити-

[23] Имеется в виду императрица.

хито смотрел снисходительно, рассудив, что любовь императрицы и верного вассала никому не принесёт вреда.

Аояги снова обмакнула кисть в тушечницу и продолжила письмо:

«Господин Нобунага!

Давно ли вы утоляли жажду из реки Томину и ступали по древним следам на горе Асака[24]? После смерти императора мне необычайно грустно, что не с кем разделить сии приятные занятия.

Я знаю о вашей постоянной занятости делами княжества, да и потом ни для кого не секрет, что ваши отряды самураев постоянно пребывают в боевой готовности. Занятие – достойное. Но помимо повседневных дел государственной важности, есть и другие…

С нетерпением жду вас с визитом, ибо собираюсь вскоре совершить паломничество на священную гору Хиэй[25]…»

Госпожа Аояги исповедовала буддизм, также как все императоры Поднебесной в течение почти трёхсот лет. Вдова давно не посещала храм Энракудзи, после смерти императора она была там всего лишь один раз, дабы попросить Будду отправить её супруга на Чистую Землю[26].

С тех пор минуло несколько лет. Госпожа Аояги не отличалась особенной набожностью, история Поднебесной знавала и более преданное служение Будде императрицами, ей просто хотелось покинуть опостылевший дворец с его вечными формальностями и предрассудками. Предстоящее паломничество было для неё своего рода отдушиной, каплей свежего воздуха, а в сопровождении Нобунаги – ещё и приятным времяпрепровождением. В конце концов, даймё был вдовцом…

Аояги запечатала свиток личной печатью и протянула служанке.

– Для господина Нобунаги в замок Адзути…

– Да, госпожа…

– И как можно быстрее!

* * *

Хитоми и Юрико играли в го под сенью деревьев, поочерёдно передвигая отполированные фишки.

– Отчего ты грустишь, Юрико?

– Оттого что не хочу выходить замуж за Токинобу Такуми.

– Но свадьба состоится только на следующий год, – попыталась возразить Хитоми. – Тебе уже исполнится шестнадцать. Разве не ты мечтала выйти замуж?

– Да, конечно, мечтала, но – не за сына чиновника.

Хитоми пожала плечами и передвинула фишку.

– Но Такуми очень образован…

– На этом его достоинства заканчиваются, – неожиданно отрезала Юрико.

Хитоми удивительно вскинула брови.

– Откуда ты знаешь? Ты…

– Что тебя так удивило? Ведь наша свадьба – дело решённое…

[24] Подразумевается занятие поэзией, но в данном случае – и любовью.

[25] Гора недалеко от Киото.

[26] Буддийский рай.

– Да, прости меня. Просто отец ничего ещё не говорил о даймё Хадано, помнишь, что сидел напротив меня на чайной церемонии?

– Помню. Его мать постоянно молчала, словно рыба. Поверь мне: от такой жди беды.

– Юрико… – робко начала Хитоми, – а когда это случилось?

– Пять лун[27] назад, когда отец отправил меня в Киото за покупками для приданного. Я остановилась в доме Токинобу… Всё произошло как и положено.

Хитоми округлила глаза.

– Ты про это так говоришь, словно…тебе безразлично.

– Совершенно. В постели с Такуми мне не понравилось. Его ласки не привели моё тело в трепет…

Хитоми издала возглас удивления.

– Но ничего нельзя изменить!

– Увы, – подтвердила Юрико. – Хотя впереди ещё целый год.

– Но… что может измениться за год? – недоумевало Юрико.

– Как знать… А тебе всё еще нравится Моронобу?

Хитоми опустила глаза.

– Да…

– Он, наверное, и понятия об этом не имеет, – констатировала Юрико.

– Зачем ты говоришь так?! Что изменится, если я открою чувства простому самураю?!

– По крайней мере, перед тем как возлечь на брачное ложе с господином Хадано, ты познаешь настоящую любовь.

– Может быть, отец передумал и не желает выдавать меня за Хадано?!

– Не за него, так – за другого. Мы нужны им, чтобы рожать детей. А дарить любовь наши мужья будут наложницам, – со знанием дела высказалась Юрико.

– Я не хочу так…

Хитоми насупилась, из её глаз потекли слёзы.

– Хитоми, ты просто – ребёнок. Нельзя всё принимать так близко к сердцу!

– А как можно?

– Не знаю, – призналась Юрико. – Мы с тобой – всего лишь разменная монета среди родственных клановых связей.

* * *

Хитоми, расстроенная словами сестры, удалилась в свои покои. Она открыла заветную шкатулку, доставшуюся от матери, и наугад достала свиток Кодзики.

«На остров Боги спустились с небес, воздвигли небесный столб, возвели просторные покои. Тут и спросил Идзанаги богиню Идзанами-но, свою младшую сестру:

– Как устроено твоё тело?

– Моё тело росло-росло, а есть одно место, что так и не выросло, – ответила она.

Тут Бог Идзанаги произнёс:

– Моё тело росло-росло, а есть одно место, что слишком выросло. Потому, думаю я, то место, что у меня на теле слишком выросло, вставить в то место, что у тебя не выросло, и родить страну. Ну, как родим?

Когда так произнёс, богиня Идзанами-но ответила:

– Это будет хорошо»[28].

---

[27] Луна, т. е. месяц назад

[28] Кодзики, свиток первый, глава четвёртая. Перевод со старояпонского Е.М. Пинус, 1972 год.

Прочитав сии строки, девушка была потрясена: уж слишком они соответствовали её душевному состоянию и тайным мыслям. Она задумалась: как признаться Моронобу в своих чувствах? – но в тоже время: что будет, если отец узнает об их связи?

Хитоми свернула пергамент, убрала свиток и закрыла шкатулку. Она положила перед собой чистый лист бумаги, обмакнула перо в тушечницу и быстро, фонетическим[29] письмом написала:

Смотрю я в воду,
Моё отражение
Тени подобно.
В плену иллюзий Луны
Оно долго страдает…

Она свернула своё послание и перевязала тоненькой шёлковой лентой: но как же его передать? Поручить это служанке: значит, сообщить всему замку Адзути!

«Нет, я сама отдам письмо Моронобу…» – решила Хитоми.

[29] Фонетическое письмо – упрощённое, так называемое женское письмо, в отличие от каллиграфического, основанного на сложных китайских иероглифах.

Глава 5

В замке даймё Хадано Кайтю, что недалеко от Гифу, с нетерпением ожидали посланника сёгуна. Госпожа Хадано Навари потратила не мало слов, дабы убедить своего сына отказаться от Оды Хитоми и обратить свои взоры на другую невесту, не менее богатую.

Госпожа Хадано считала Оду Нобунагу выскочкой, который смог воспользоваться привязанностью императорской супруги Аояги, тем самым, заполучив в своё время придворные должности, возвысившие его до нынешнего положения.

Эта женщина считала, что быть союзником Нобунаги – выгодно лишь до определённого момента, уж слишком у даймё много влиятельных врагов, включая самого сёгуна. Господин Тоётоми недавно сложил с себя обязанности регента по достижении императором Гендзи положенного возраста. Но это была всего лишь формальность, на самом деле сёгун не собирался делиться властью с юным императором.

Поэтому он поспешно устранял своих противников: самым опасным из них был советник Фусю… Таких даймё, как Хадано, сёгун решил попросту купить – слугу, как и сокола надо кормить, – пообещав щедрую награду за верную службу. И многие даймё, ещё вчерашние соратники Нобунаги, согласились.

Сторонников Нобунаги оставалось всё меньше. Наделённый острым политическим чутьём, Ода понимал – над Адзути сгущаются тучи. Он лихорадочно искал новых союзников, но они, увы, оказывались слишком не надёжными.

Столичные княжества[30], граничившие с Адзути, такие как: Ямана, Такеда и Акамацу также переметнулись к ненавистному сёгуну Тоётоми, который пообещал им резко уменьшить налог, взимаемый пользу императорского и сёгунского дворов.

Положение Нобунаги становилось шатким – реально он мог рассчитывать только на себя и своих вассалов. Увы, но все его сыновья, на помощь которых он мог когда-то полагаться погибли в межклановых воинах. Старшие дочери, рождённые от наложниц, хоть и были удачно выданы замуж, однако их мужья предпочитали служить сёгуну.

* * *

Хадано Кайтю принял посланника сёгуна в присутствии своей матери. Тот с поклоном передал ему послание, из которого следовало, что Тоётоми предлагает скрепить союз с его пятнадцатилетней племянницей Окаюми.

Госпожа Хадано была наслышана о «прелестях» Окаюми и ставила их под серьёзные сомнения. Но перспектива породниться с одним из могущественных кланов Поднебесной взяла вверх. В конце концов, прозорливая мать посоветовала своему сыну поспешно, сразу же после свадьбы завести наложницу и не одну, что считалось вполне достойным знатного человека, а жену посещать раз в неделю, как того требовали приличия.

Вопрос о разрыве с Одой Хитоми госпожа Хадано сочла нужным оставить без внимания. Ибо теперь – это треволнения её отца, Оды Нобунаги.

Слухи о том, что даймё Хадано предпочёл племянницу сёгуна Хитоми, достигли Адзути примерно через месяц. Клан Хадано не скрывал своих намерений и вскоре об этом знали все торговцы, следовавшие через окрестности Бива.

[30] Столичными назывались княжества, расположенные вокруг Киото. Помимо общепринятых налогов с них взималась подать на содержание чиновников и дворца.

Нобунага был оскорблён, его самолюбие уязвлено… Он понимал, что фактически остался один на один с мощным кланом Тоётоми, но как истинный самурай и последователь буси-до, не терял присутствия духа.

* * *

Нобунага старался поддерживать физическую форму и быть готовым к битве в любое время, поэтому он и его самураи постоянно упражнялись на тренировочных бамбуковых мечах.

Хитоми вышла из замка и, направившись к святилищу Аматэрасу, услышала яростные выкрики самураев, перемежавшиеся с ударами мечей. Она решила заглянуть на тренировочную площадку, дабы понаблюдать за «сражением».

Самураи, разбившись на пары, яростно атаковали друг друга, даймё внимательно наблюдал за ними. Завидев дочь, он позволил себе отвлечься.

– Отец, от господина Хадано по-прежнему нет никаких вестей? – сдержанно поинтересовалась она.

Нобунага нахмурился: рано или поздно этот неприятный разговор должен был состояться.

– Нет, он не прислал мне ни единого письма… Вот уже почти, как шесть лун минуло.

– Как вы думаете, что это значит? – беспокоилась девушка, хотя в душе испытывала радость, что молодой даймё потерял к ней интерес.

– Мне тяжело говорить об этом, Хитоми… До меня дошли слухи, что он жениться на племяннице сёгуна.

Хитоми с удивлением «вскинула» брови.

– Нет света без тени, отец. – Коротко ответила она. – А как же Юрико? Что с сыном судьи Токинобу?

– Свадьба состоится следующей осенью, всё обговорено, – небрежно бросил Нобунага и направился к самураям.

Из трёх сражавшихся пар уже выделялись явные победители.

– Моронобу, – обратился даймё к своему вассалу и встал в боевую позицию.

Молодой самурай приготовился дать достойный отпор.

Хитоми достаточно долго наблюдала, как сражаются отец и Моронобу… И это показалось ей символичным. Наконец на неё накатили внезапные слёзы, и, устыдившись своей слабости, она пошла прочь в направлении святилища.

Войдя в него и встав на колени перед ликом Аматэрасу, она разрыдалась. Вынула из широкого рукава письмо, написанное Моронобу, и хотела было сжечь, поднеся к тлеющей палочке с благовониями. Но плотная рисовая бумага не желала загораться, тогда Хитоми восприняла это как знак свыше, как благословление Окамэ, и убрала слегка обуглившееся письмо обратно в широкий рукав кимоно.

По пути к Западному крылу замка Хитоми остановилась и долго наблюдала за полётом птиц в небесной синеве.

– Подобно птице, хочу взлететь я в небо…. – едва слышно прошептала она.

Достигнув Западного крыла, девушка столкнулась с Моронобу. Он почтительно раздвинул перед ней створки сёдзи и поклонился.

Хитоми несколько замешкалась, но, сообразив, что эта встреча – шанс передать письмо, тотчас же извлекла его из широкого рукава кимоно, пока никого не было поблизости, и сунула небольшой свиток самураю за пояс.

Тот растерялся, не понимая, что сие означает…

Хитоми улыбнулась и быстро, насколько позволяет кимоно, поднялась на второй ярус замка, направившись в свои покои.

* * *

Нобунага надломил печать и распечатал послание госпожи Аояги, ощутив аромат её духов… Сердце его, давно очерствевшее и не знавшее вот уже много лет любви к женщине, внезапно охватил трепет. Он вспомнил события давно минувших дней: сколько же ему тогда минуло лет – тридцать? – тридцать два?..

Даймё задумался, мысленно подсчитывая годы правления покойного императора Огимати Митихито и в дальнейшем его сына Гендзи. По всему получалось, что в ту пору, когда госпожа Аояги была к нему чрезвычайно внимательна и снисходительна, ему действительно минуло тридцать вёсен, а императрице – едва исполнилось двадцать.

В то время, впрочем, также как и сейчас, Поднебесную раздирали на части межкланновые воины. Государство захлёбывалось в крови своих же подданных. Сёгун Асикага Ёсиаки, сопредельный правитель императора, придерживался древней циничной истины: страви даймё и получи выгоду от их схватки, – что весьма успешно и воплощал.

Император в то время переступил свой сорокалетний рубеж и был достаточно мудрым правителем, дабы понять, что Поднебесная так долго не просуществует: ведь всегда есть опасность китайского вторжения, да и потом у её берегов всё чаще стали появляться португальские каравеллы…

Португальцы, покорившие Сиам и прилегающие острова, подступали всё ближе, уже запустив свои щупальца и в Корейское королевство. Сможет ли Поднебесная противостоять их натиску, ведь у них – мушкеты и пушки?

И вот тогда на политической арене появился Ода Нобунага, молодой самурай из провинции Овари. Он был беден, но честолюбив, и во чтобы то ни стало желал добиться своей цели – стать уважаемым и влиятельным даймё.

Впервые император увидел Нобунагу на Большом совете, где обсуждалось положение, сложившее в государстве. Советники лишь разводили руками, не зная, что делать. И тогда Ода Нобунага поразил своей пламенной речью присутствующих в зале:

– Митихито-тенно, – обратился он к императору. – В совете – я человек новый. Но всё прошу меня выслушать, ибо род Ода, хоть и небогат, но предан династии Огимати.

Император удивился напористости молодого вассала. Главный советник Фусю, тотчас же начал нашептывать тому на ухо о том, как молодой Нобунага с малым числом самураев отразил нападение противника, превосходившего его числом и мощью в несколько раз. Митихито-тенно кивнул, что означало дозволение говорить.

– Советники, собравшиеся сегодня, не раз подчёркивали – положение сложилось критическое. Оно напоминает события давно минувших дней, когда ваш предок Томохито Го-Нара был вынужден пойти войной на сёгуна. Но…последствия для Поднебесной оказались печальными.

– Мы все помним уроки прошлого. – Спокойно заметил император. – И не собираемся повторять ошибки своих предков.

Нобунага поклонился.

– Португальцы – серьёзная угроза, если с ними не наладить взаимовыгодные отношения.

Советники зашептались, по залу пробежал ропот.

– Неслыханно! – возмущались почтенные вельможи. – Договариваться с чужаками! Где самурайская честь? – кричали они.

Император выдержал бурю эмоций своих советников, и подытожил:

– Мы так и не выслушали: что же предлагает господин Ода Нобунага?

Даймё почтительно поклонился императору.

– Я предлагаю: вступить с португальцами в переговоры. Выяснить, чего они хотят? И тогда мы поймём, чем они могут быть нам полезны. Не для кого не секрет, что Сиам не сумел своими слонами и мечами противостоять их мушкетам и пушкам. Теперь же – во владении португальской короны всё морское побережье Сиама. И на сколько мне известно, они ищут новые торговые пути… В их планы не входит покорение новых территорий – Португалия небольшая страна, а её колонии слишком разрослись. Их же требуется удерживать, потому как существуют и другие морские державы.

Император был крайне удивлён осведомлённостью Нобунаги. Он тут же оценил: перед ним человек незаурядных способностей, который поможет ему сохранить трон Аматэрасу.

– Я обдумаю ваши слова, господин Нобунага.

Император встал, что означало окончание совета. Когда советники покинули зал, Огимати Митихито приблизился к расписной ширме, стоявшей в углу, из-за которой появилась молодая императрица Аояги. Природа была щедра по отношению к ней и наделила не только божественной внешностью и статью, но и незаурядным умом. Несмотря на то, что император был намного старше своей супруги, он безраздельно ей доверял и прислушивался к её советам.

– Вы позволите, тенно? – Аояги ослепительно улыбнулась и взмахнула ресницами. Она знала: ни один мужчина не может устоять перед её взглядом.

– Вы же знаете, как мне важно знать ваше мнение, Аояги…

Императрица слегка поклонилась.

– Ода Нобунага заслуживает доверия. Моя интуиция подсказывает мне, что именно ему следует поручить переговоры с португальцами. Несомненно, он добьётся успеха. Я опасаюсь, что люди сёгуна могут опередить нас…

Митихито внимательно осмотрел на супругу.

– Ваша прозорливость ни разу не подвела. Я сделаю именно так, как вы советуете…

– Но, тенно, позвольте мне самой переговорить с господином Нобунагой.

– Аояги, вы хотите, чтобы несчастный из провинции Овари потерял голову от вашей красоты? – игриво спросил император и рассмеялся.

– Думаю, что это не будет излишним… – скромно ответила молодая императрица.

* * *

Вскоре в особых покоях императрицы, где невозможно подслушать разговор, состоялась встреча госпожи Аояги и Оды Нобунаги.

Молодая императрица умела произвести впечатление: она предстала перед Нобунагой в нежно-лиловом кимоно, расшитом ирисами. Её волосы были скреплены лишь одной заколкой, небрежно подхватывая их, образуя заниженный хвост, который предпочитали носить женщины эпохи Хэйан[31].

Она указала жестом на татами, Нобунага опустился на колени, готовый выслушать свою повелительницу. Та ж не торопилась перейти к делу, и расположившись напротив, спросила:

– Скажите, господин Нобунага, бывают ли у вас такие чувства, когда с первого же взгляда проникаешься доверием к человеку?

Даймё прекрасно понял, что имеет в виду прекрасная Аояги. И ответил ей напрямую:

[31] Примерно IX–XII века.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы, госпожа Аояги, полностью доверяли мне. Я никогда не предам дело императора, ибо мне не безразлична судьба государства.

Аояги понравился ответ собеседника, она улыбнулась и открыла резную шкатулку, стоявшую рядом.

– Вот грамота, подтверждающая ваши полномочия в переговорах с Португалией, скреплённая подписью и печатью императора. С сегодняшнего дня вы – посол.

Она с поклоном передала свиток даймё, намеренно коснувшись его руки.

…Нобунага, уже покинув императорский дворец в Киото и, двигаясь в направлении устья реки Ёдогавы[32], где дрейфовали две португальские каравеллы, не мог забыть этого момента.

* * *

В окружении двадцати преданных самураев и их воинов, Ода Нобунага достиг небольшого рыбацкого селения Осака. Приближался час Собаки. Морской прохладный бриз приятно обдувал разгорячённое скачкой лицо. Нобунага много раз видел китайские и корейские торговые суда, они всегда производили неизгладимое впечатление на людей, не имевших отношения к морскому делу. Но эти каравеллы… приводили в трепет.

Осеннее солнце «погружалось» в море, окрашивая его воды в красный цвет. Посол напряг глаза, чтобы лучше разглядеть португальские корабли: они были огромными, их мачты и приспущенные паруса, ощерившиеся пушки – вселяли страх и то же время порождали чувство уважения перед людьми, сумевшими сотворить подобное чудо.

Нобунага пожалел, что в его распоряжении нет хотя бы одной каравеллы…

– Найдите старосту деревни, – приказал посол. – Надо расположиться на ночлег. Завтра – ответственный день.

Утром, едва приблизился час Змеи, Нобунага с пятью самураями и знаменосцем, разместились в небольшом рыбацком судёнышке, пропахшем рыбой. Опытные рыбаки, получившие по два рё каждый, усердно налегли на вёсла.

Нобунага поднял голову, с любопытством и восторгом разглядывая вздымавшийся из воды борт португальской каравеллы, к которой дерзнула приблизиться жалкая рыбацкая посудина. Самурай прокричал:

– Императорский посол!!!

Португальцы ещё с вечера заметили прибывший отряд самураев. Они развлекались тем, что поочерёдно рассматривали Осаку в подзорную трубу. Поэтому капитан каравеллы был уверен – отряд появился не спроста, японцы готовы к переговорам.

Нобунага увидел нечто, летевшее сверху, но не выказал ни малейшего страха перед этим предметом. Вскоре он с удивлением обнаружил, что «нечто» – всего лишь верёвочный трап, причём с виду весьма надёжный.

Однажды в Тотори[33] он видел, как моряки ловко карабкались по таким верёвочным лестницам, очищая борта корабля от многочисленных ракушек и водорослей. Он уверенно обхватил трап и начал подниматься, самураи последовали его примеру…

Первым, кого увидел императорский посол, был худой, высокий, черноволосый человек, с носом, схожим с журавлиным клювом, облачённый в тёмное просторное одеяние, подпоясанное верёвкой.

Позади него собралась вся команда, явно при параде: европейская мужская одежда поразила посла, ничего подобного он не видел, и смутно представлял, как в подобных узких

[32] Ёдогава – река, берущая начало из озера Бива, впадает в Окский залив.

[33] Тотори – порт на берегу Японского моря.

куртках, штанах, безвкусных головных уборах, да ещё с таким обилием украшений, можно вообще передвигаться. Да и лица иностранцев приводили в ужас: длинные носы, круглые глаза… – словом, португальцы показались Нобунаге крайне неприятными.

Посол сложил ладони около груди и почтительно поклонился. Португальцы прекрасно понимали, что гость их приветствует, и все как один сняли широкополые шляпы, украшенные роскошным плюмажем и драгоценными подвесками, сделав изящный реверанс.

Нобунага снова удивился европейской почтительности, но как истинный самурай не подал виду. После завершения светских формальностей, посол произнёс:

– Моё имя Ода Нобунага, я – посол императора Поднебесной Огимати Митихито.

Неожиданно худощавый португалец, тот что с журавлиным носом, сказал на чистейшем языке Четырёх морей[34]:

– Я – брат Доминго, член Ордена доминиканцев-проповедников. Прибыл на ваши земли в качестве миссионера.

Нобунага не знал значения миссионерства, но догадывался, так как был наслышан от корейских и китайских торговцев о том, как португальцы покупают у казны прибрежные земли, где строят свои храмы, в которых почитают распятого на кресте человека, Иисуса Христа. Мало того, они пытаются и других убедить, что вера их единственно правильная, и если примешь её – непременно попадёшь в Рай. Что такое Рай Нобунага догадывался – нечто похожее на вечно цветущие сады Аматэрасу…

К послу подошёл важный пожилой господин, совершенно седой, одетый в тёмно-синий бархатный камзол, отделанный золотой вышивкой, такого же цвета трико, плащ насыщенного вишневого цвета, поверх которого виднелась массивная золотая цепь со вставками из рубинов, ноги его были облачали высокие ботфорты из мягкой кожи. Шляпу португалец держал в руках, видимо, считая не почтительным надевать её во время беседы с послом.

Брат Доминго быстро перёвёл разговор своему патрону, который тут же с жаром заговорил.

– Граф Игнацио ди Латорго, эмиссар Его Величества Португальского, приветствует вас на своём судне, а также выражает надежду, что вам понравится оказанный приём и послужит дальнейшему взаимопониманию двух великих держав. Он приглашает вас, господин посол, в кают-компанию, дабы испить чаю и провести время за приятной беседой.

Нобунага кивнул.

– Поблагодарите господина Игнацио. Ибо я с ним совершенно согласен в том, что наши державы – одни из самых великих.

Брат Доминго бегло перевел ответ посла. Граф сдержанно улыбнулся при упоминании о великих державах, потому как Португалия в силу своих амбиций и территориальных претензий, считала великими лишь тех, кто мог дать ей достойный отпор. По мнению Его Величества короля Португалии Япония таковой не являлась.

* * *

В Киото посол возвращался в глубокой задумчивости. В течение двух дней, начиная с часа Змеи и вплоть до часа Собаки, Нобунага общался с португальцами и многое узнал. Теперь он тщательно обдумывал, как с выгодой использовать свои знания.

Его предположения по поводу того, что Португалия не собирается захватывать Поднебесную, подтвердились. Иностранцы были лишь заинтересованы в миссионерстве, считая японцев дикарями-язычниками, поклоняющимися духам природы. И как водится, прибыли спасать их грешные души, дабы открыть путь к вечной жизни.

[34] Четыре моря – Япония.

Нобунага усмехнулся, неожиданно ему пришла мысль о том, что если бы у Четырёх морей был такой флот и военный потенциал, как у Португалии, то самураи вместе с синтоистскими и буддистскими монахами вполне бы могли высадиться в Европе, дабы обращать этих странных самоуверенных людей в свою веру.

Осеннее солнце садилось за Арасияму[35], когда посол и его отряд, миновав Западные ворота, въехали в город и направились на улицу Нидзё, что рядом с императорским дворцом. Именно там Нобунагу с нетерпением ожидал советник Фусю.

Дом Фусю был просторным, состоял из нескольких ярусов, во всём чувствовалась утончённость и тяга к прекрасному. Даже сёдзи дома были расписаны столь изящно, что Нобунага невольно залюбовался.

Советник был уже немолод, при дворе он служил настолько давно, что сам затруднялся сказать, сколько именно, благополучно пережив нескольких императоров и регентов. И, конечно же, за столь долгую службу, на которой Фусю играл немало важную роль, он скопил завидное состояние, большая часть которого приходилась на излюбленные им драгоценности.

Португальцы прекрасно знали местные обычаи и щедро одарили Нобунагу подарками. Это были ювелирные изделия из морского жемчуга, добываемого у берегов Сиама, обладавшего потрясающим розоватым оттенком.

Встреча посла и советника произошла сдержанно, Фусю сгорал от нетерпения услышать все подробности, скрывая это под напускным равнодушием. Он встретил желанного гостя при входе, поклонился и пригласил его войти в дом. Они миновали длинную галерею, затянутую сплошь расписной рисовой бумагой и очутились в просторном помещении, пол которого был полностью устлан циновками со множеством цветных шёлковых подушечек, которые Фусю, сидя, часто подкладывал под свои больные ноги.

Посередине зала возвышалась средних размеров металлическая жаровня-хибата, распространявшая живительное тепло. Фусю сел рядом с ней, жестом пригласив посла расположиться напротив.

– Вечера становятся прохладными, – заметил Фусю. – Старею, начали болеть ноги, да и кости ломит, – пожаловался он и вопросительно воззрился на посла.

– Господин Фусю, – начал Нобунага. – Португальцы просят у нас земли, где они могли бы возводить свои ритуальные храмы и проповедовать свою религию…

– А что же взамен? – поинтересовался советник.

– Огнестрельное оружие, – отчеканил Нобунага. Советник встрепенулся. – Будучи в Китае, мне приходилось видеть европейский мушкет – весьма эффективное средство на поле боя. Португальцы готовы поставить нам партию таких мушкетов, скажем восемьдесят штук.

Фусю заметно оживился.

– Прекрасно. Надо договариваться немедленно, дабы нас не опередили. Мушкеты решат исход политического противостояния императора и сёгуна.

Нобунага кивнул, правда, он скрыл, что уже предварительно договорился с португальцами на поставку ста мушкетов (двадцать из которых намеревался отставить себе) и соответственно пороха, хотя порох можно было закупить и у Китая…

– Что же касательно земель под христианские миссии… – протянул советник и, кряхтя, пересел на подушку. – Стоит подумать… Лучше всего, если португальцы разместятся недалеко от Киото.

– На озере Бива, – решительно предложил Нобунага, – и землях к нему прилегающих, которые я бы хотел получить во владение…

Фусю задумался, оценив предприимчивость самурая.

---

[35] Живописная гора в Киото.

– Пожалуй… Это единственно правильное решение. Я переговорю с императором Огимати.

Нобунага был преисполнен уверенности в том, что португальцы помогут ему добиться желаемого – положения при дворе. Именно он – сын безызвестного даймё из провинции Овари, станет проводником императорской воли и владельцем княжества в самом сердце государства.

Нобунага встал и поклонился.

– Вы не останетесь до утра? – наигранно удивился Фусю.

– Не хотел бы злоупотреблять вашим гостеприимством…

– Что ж, – советник потянулся к колокольчику, стоявшему на изящной этажерке, и позвонил несколько раз. Вошла женщина. – Вас проводят, господин Нобунага. Госпожа Аояги желала видеть вас тотчас же по прибытии в Киото. – Он многозначительно посмотрел на посла.

* * *

Сгущались сумерки, когда Нобунага и его немногочисленное сопровождение приблизились к императорской резиденции и миновали одни из боковых ворот. Близился час Лошади…

Служанка, встречавшая посла, предусмотрительно взяла в стражницкой небольшой масляный фонарь, дабы освещать им путь. Затем она долго петляла по галереям и бесконечным дворцовым переходам (Нобунага, следовавший за ней, сгорал от любовного нетерпения), наконец, достигнув покоев вдовствующей императрицы.

Служанка остановилась перед фусуме, расписанными цветами необычайной красоты, и отворила их. Из глубины помещения раздался волшебный голос:

– С возвращением, господин посол. Я жду вас…

Нобунага безошибочно узнал госпожу Аояги.

Глава 6

Нобунага замер: внезапно он ощутил запах Аояги, в воображении коснулся её губ, распахнул шёлковое кимоно, наслаждаясь обнаженной грудью, снова услышал её учащённое дыхание… О! Молодость!

Мужчину охватила дрожь, но в комнате не было холодно, в жаровне всё ещё тлели угли…

Нобунага отложил письмо госпожи Аояги, достал из сундука лист бумаги и тушечницу. Обмакнув перо, он ещё долго размышлял: как начать письмо? Как объяснить ей, что прошедшие годы ничего не изменили, и он по-прежнему желает её? Как признаться, что ему опасно появляться в Киото, ибо потеряны все союзники, а сёгун Тоётоми с каждым днём набирает силу?..

Наконец, после долгих раздумий и мучений, Нобунага решил написать просто:

«Досточтимая госпожа Аояги!

С упоением принимаю Ваше предложение, ибо ничего я не желаю так более страстно, как испить с Вами воды из волшебной реки Томину. Но прошу о снисхождении: встретить ваш паланкин по дороге, ведущей на гору Хиэй в храм Энракудзи…»

На следующий день в час Лошади Нобунаге доставили ответ от госпожи Аояги:

«У меня для вас два известия. Первая: господин Фусю занемог, причём симптомы болезни весьма странные. Я отправила ему своих лекарей, но они затрудняются определить характер недомогания. Думаю, Фусю слишком стар, пришло его время отправиться в сады Аматэрасу. Я пыталась вспомнить: сколько же он служит императорскому дому? – по моим подсчётам не менее пятидесяти лет…

Вторая: я приготовила вам подарок. Надеюсь он не оставит вас равнодушным…

Жду вас завтра, в час Змеи на дороге, ведущей к монастырю».

* * *

Нобунага пробудился в час Тигра. И хотя до часа Змеи оставалось ещё два дзиккена, которых вполне хватило бы одеться, выпить чая со сладкими рисовыми шариками, пудингом и двинуться в путь к Хиэй, – он торопился.

Даймё умылся и отдал слуге распоряжение приготовить чай. Испив три чашки, Нобунага понял, что волнуется, словно ему недавно исполнилось четырнадцать, и он впервые познал женщину. Есть ему не хотелось, рисовый пудинг так остался стоять не тронутым.

Даймё приказал принести праздничное одеяние из тёмно-зелёной парчи, расшитое золотыми Парящими драконами. Он снял домашнее кимоно, оставшись в одних хакама, и с пристрастием посмотрел на себя в отполированную поверхность серебряного зеркала. Несмотря на то, что Нобунаге минуло сорок пять лет, и он изрядно поседел от постоянных земных забот, фигура осталось прежней – стройной, поджарой с резко очерченными мышцами живота. Невольно Нобунага вспомнил, как госпожа Аояги любила обводить их контуры своими нежными пальчиками… И облачился в чистое шерстяное кимоно.

Слуга подержал праздничное кимоно над жаровней, дабы тяжёлая парча немного прогрелась. Нобунага отнюдь не слыл изнеженным человеком, в былые времена ему приходилось ночевать на голой земле. Но уже стояли холодные осенние дни, по ночам от озера тянуло влагой, а по утрам сгущался плотный молочно-белый туман, окутывавший Бива и его

окрестности. Поэтому во всех спальнях замка стояли жаровни-хибата, приходилось постоянно поддерживалось тепло.

Парчовое кимоно достаточно прогрелось, и Нобунага не без удовольствия облачился в него. Затем надел лёгкий кожаный нагрудник, решив, что полное военное облачение для посещения монастыря, который он когда-то пытался взять штурмом[36], не уместно. После чего опоясался, продев мечи в ножны. Слуга, низко склонившись, поставил перед господином гета с тёплой стелькой, которые тот не преминул надеть. И в последнюю очередь подал атласную стёганую куртку, которая завершила облачение Нобунаги.

Нобунага направился в конюшню, дабы решить: какого коня ему выбрать? Он прошёлся, заглянул в каждое стойло, наконец, остановив свой взор на коне оленьей масти[37].

Ода Нобунага в сопровождении небольшого отряда самураев и воинов-байсинов покинул Адзути, направившись на встречу с прекрасной Аояги.

* * *

Рано утром, едва пробудившись, госпожа Аояги, тотчас отправила служанку на улицу Нидзё в дом господина Фусю, дабы справиться о его самочувствии. Всю ночь в спальне советника не смыкали глаз два императорских лекаря. Они долго совещались и, наконец, решив, что недомогание вызвано разливом желчи, вредоносной для организма, предписали больному специальные травяные настойки.

После принятия лекарства, господин Фусю почувствовал себя легче: отёчность левых руки и ноги немного спали, боли в животе уменьшились. Лекари уже мысленно возблагодарили богов….

Госпожа Аояги, получив известие о том, что советник пошёл на поправку, со спокойной душой направилась на встречу с Нобунагой.

Паланкин госпожи Аояги (и вооружённый до зубов отряд сопровождения) неспешно выехал из императорского дворца через ворота с Золотыми петухами, проследовал через улицу Нидзё, затем обогнул подножье горы Арасияма, миновал, вызывающее трепет, священные костры Торибэяма[38], и направился на северо-восток.

Дорога к монастырю Энракудзи петляла среди многочисленных гор, окружавших Киото. Клёны, усыпанные красной осенней листвой, навевали на Яшмовую госпожу[39] меланхолию. Невольно она вспомнила, как совершила это путешествие с покойным императором Митихито.

…Стоял конец весны, вдоль дороги бурно цвели азалии и камелии, перемежавшиеся с зелёными низкорослыми клёнами.

Император, утомлённый постоянными заботами и непрекращающимся противостоянием с сёгуном, искал покоя. Он мечтал уединиться в Энракудзи вместе с супругой и посвятить несколько дней чтению Лотосовой сутры[40]. Это было четырнадцать лет назад… После поездки в монастырь госпожа Аояги почувствовала себя в тяжести. Император же возблагодарил Будду, построив в монастыре Золотой павильон, который в последствии часто посещал.

---

[36] Члены кланов Адзаи и Асакура, враждебные клану Оды, некогда пытались укрыться за стенами Энракудзи, надеясь на то, что Нобунага не посмеет его штурмовать. Но это не умерило решительности Оды Нобунаги, и он приказал осадить стены монастыря, готовясь к штурму. Монастырь от полного разрушения спасло лишь личное вмешательство императора Огимати.

[37] Коричневый круп, чёрные: грива, хвост и нижняя часть ног.

[38] Торибэяма – гора близ Киото, у подножья которой совершали кремацию.

[39] Иносказательно – императрица.

[40] Одна из основных сутр буддизма.

Теперь же Яшмовая госпожа хотела помолиться за покойного супруга, принести щедрые пожертвования монастырю, увидеться с Содзу, своим духовным наставником, а главное – с Нобунагой.

Помимо всего этого, она хотела сделать даймё подарок. Причём, весьма необычный…

Кортеж вдовствующей императрицы двигался неспешно. Передовой из её охраны заметил приближавшийся отряд Нобунаги. Он приблизился к паланкину Аояги и, слегка отодвинув занавеску, защищавшую от ветра Яшмовую госпожу, произнёс:

– Госпожа, впереди показался штандарт Парящего Дракона.

– Прекрасно… Господин Нобунага прибыл вовремя… – удовлетворённо отреагировала Аояги.

Сердце женщины затрепетало, она не раз представляла, как сольётся с Нобунагой в единое целое. От подобных мыслей ей стало жарко, она подумала, что напрасно надела поверх нижнего кимоно два хаори*, вполне было бы достаточно и одного…

Аояги откинула занавесь балдахина, украшавшего паланкин, дабы обозревать дорогу, которая резко вздымалась в гору. Слуги, несущие паланкин, сменились и с новой силой двинулись вперёд.

Наконец кортеж Яшмовой госпожи поравнялся с отрядом Нобунаги. Она ослепительно улыбнулась и кивнула даймё, приглашая его разместиться в своём просторном паланкине.

Нобунага тотчас спешился, отстегнул мечи и снял обувь (слуги положили гета в специальный ящик, прикреплённый к поручням паланкина) и с удовольствием воспользовался приглашением Аояги.

Женщина плотно задёрнула занавесь балдахина…

Теперь Нобунага мог выразить свои чувства:

– Нет ничего прекрасней в этом мире, чем видеть вас, моя госпожа.

– Я с нетерпением ждала нашей встречи, – призналась Аояги. – Я намереваюсь пробыть в Энракудзи несколько дней, разместившись в Золотом павильоне. Вы составите мне компанию?

Нобунага, с нетерпением желавший близости со своей бывшей возлюбленной, не сдержался:

– Я готов лежать у ваших ног, пока вы не переступите через моё тело…

Аояги засмеялась и кокетливо ответила:

– О, уверяю вас, это произойдёт не скоро…

– Как здоровье господина Фусю? – поинтересовался Нобунага отнюдь не из вежливости. Он понимал, что смерть советника повлечёт за собой новую расстановку сил в императорском дворе – сёгун Тоётоми непременно подкупит совет, который изберёт на должность Главного советника его человека. А это ослабит и без того плачевные позиции Нобунаги.

– Ему стало немного лучше. Но вы же понимаете, советник слишком стар. На моей памяти мало, кто доживал до такого возраста, разве что Конфуций!

– Да, но Конфуций был философом, а – не государственным мужем. Что и продлило его земные дни, – парировал даймё. – Осмелюсь спросить: чем в последнее время занимается Гендзи-тенно? – попытался он перевести разговор в другое русло.

– Ах, господин Нобунага. На что может тратить своё время юноша, будучи императором? – на поэтические турниры, на прогулки в окружении юных фрейлин, на любование луной, написание мелодий для бива, изучение Конфуция… В последнее время, как здоровье Главного советника ухудшилось, сёгун Тоётоми наполнил дворец своими соглядаями. Порой мне кажется, что меня подслушивают собственные слуги. Тоётоми – страшный человек, он не остановится ни перед чем, если почувствует, что юный император собирается ему противостоять. Сёгун не намерен делиться властью…

Речь госпожи Аояги опечалила даймё.

– Всё слишком серьёзно, если Фусю умрёт – мои дни сочтены. Сёгун подошлёт ко мне убийц. Насколько мне известно, некий клан ниндзей на протяжении многих лет служит Тоётоми…

– Но что ему мешало убить вас раньше? – удивилась Аояги и тут же спохватилась: – Простите за мой излишне прямой вопрос.

– Влияние Фусю и его умение убеждать, а если надо и покупать союзников прекрасно известны. После его смерти всё изменится… Я не знаю, кому при дворе можно доверять?..

– Мне…

Нобунага пристально воззрился на госпожу Аояги: ей бы он доверил свою жизнь…

– Насколько мне известно, господин Фусю успешно сформировал Личную императорскую гвардию …

– Да, – кивнула госпожа Аояги, – в неё вошли китайские воины. Надо отметить их преданность. Ещё бы, Главный советник положил им огромное жалование!

– Необходимо сохранить Личную гвардию. Она послужит гарантом безопасности императора. Вы меня понимаете? – Нобунага многозначительно посмотрел на Аояги.

– Конечно. После кремации Фусю вероятность претензий Тоётоми чудовищно возрастёт.

– Вот именно…

За разговором кортеж Яшмовой госпожи и отряд Нобунаги достигли ворот Объявления мира и вступили по императорской дороге на священную землю монастыря Энракудзи.

* * *

Во времена правления династии Огимати монастырь Энракудзи[41] достиг своего наивысшего расцвета. Основатель династии, император Нориёси Го-Мураками приказал построить на горе Хиэй небольшой храм, где он мог бы предаваться размышлениям о бренности мирской жизни. Он назвал его храмом Гармонии и Мира, который впоследствии стал одним из пяти павильонов монастыря.

Следующий император Юнатари Тёкей, тяжело переживая смерть своей любимой жены, навсегда покинул столицу, поселившись на вершине Хиэй, приняв монашество. Трон Аматэрасу занял его сын Хиронари Го-Камеяма. Именно в этот период Энракудзи стал центром буддизма Поднебесной.

Люди, узнав, что сам император принял монашество, вкушает простой рис и носит хлопковое кимоно наравне с буддийскими монахами, потянулись в храм, принося щедрые дары.

Энракудзи разрастался, появились павильоны: Вечного счастья, Колеса закона, Десяти тысяч радостей и последний, построенный по приказу императора Огимати Митихито, – Золотой.

Кортеж миновал Сад камней, Башню Будды и повернул к южной части монастыря, где и располагался Золотой павильон. До слуха паломников донесся звон колокола – звонили на башне Будды, возвещая настоятелю монастыря о прибытии Яшмовой госпожи.

Госпожа Аояги и дайме покинули паланкин, ступив на Святую землю. Нобунага, на всякий случай, пристегнул мечи и огляделся: перед павильоном возвышалась статуя Будды, вырезанная из сандалового дерева.

[41] Монастырь был основан монахом Сайте примерно в конце VIII начале IX. Со временем буддийские монахи фактически основали государство в государстве. Ода Нобунага в период Воюющих провинций боролся с чрезмерным влиянием монастырей, после чего Энракудзи утратил былую мощь и влияние. До нашего времени монастырь сохранился частично.

Даймё, хоть и был убеждённым синтоистом, но это обстоятельство не помешало ему восхититься статуей и окружающими постройками. Действительно, Энракудзи оправдывал свой статус – центра буддизма Четырёх морей.

Из паланкина, украшенного голубым шёлковым балдахином, появились две молодые фрейлины из свиты госпожи Аояги. Они были стройны как тростник, их тёплые кимоно цвета глицинии смотрелись безупречно. Невольно Нобунага залюбовался прелестницами, правда, к своему удивлению отметив, что фрейлины несколько странные – уж слишком зорко осматриваются и банты на оби завязаны подобно гейшам[42]…

* * *

Со стороны павильона Десяти тысяч радостей, к паломникам приближался настоятель и Содзу, духовный наставник госпожи Аояги.

Несмотря на то, что стоял конец осени, и приближались зимние холода, буддисты по-прежнему облачались в традиционные оранжевые одежды, единственная роскошь, которую они позволяли себе – короткие стёганые куртки и сандалии.

– Госпожа, Аояги, – почтительно произнёс настоятель. – Вы оказали мне честь, посетив Энракудзи.

Яшмовая госпожа смирено поклонилась настоятелю, затем Содзу, те также ответили глубоким поклоном.

– Я хотела бы провести в стенах монастыря несколько дней, медитируя и, очищая разум постоянным чтением сутр, – пояснила она.

– Прошу вас, госпожа, в мои покои, – пригласил настоятель. – О ваших людях позаботятся. – Сдержанно пообещал он, прекрасно узнав спутника Яшмовой госпожи. В его памяти отчётливо всплыли те далёкие дни, когда воины Оды Нобунаги осаждали стены монастыря.

Госпожа Аояги хлопнула в ладоши, к ней подошли четыре слуги, державшие на специальных носилках увесистый сундук, наполненный дарами. После чего Яшмовая госпожа направилась в Золотой павильон.

Даймё проводил вожделенным взором фрейлин-гейши, следовавших за госпожой, и ещё раз невольно взглянул на сандаловую статую Будды…

Нобунага, самураи и свита госпожи Аояги расположились в Золотом павильоне. Сооружение было достаточно комфортным. Несмотря на то, что покойный император Огимати тяготел к просветлению разума, но всё же не забывал о привычных удобствах. Павильон состоял из нескольких помещений: зала для приёма пищи, с огромным очагом в центре, который в холодное время года служил и источником тепла; трёх спален, комнат для прислуги, телохранителей, стражи и молельни, где совершалась медитация и чтение сутр.

Не успели паломники расположиться, как монахи подали привычную еду: рис, приправленный овощным соусом, запечённую рыбу, рисовые лепёшки-моти и немного сливового вина, дабы согреться.

По традициям Энракудзи все паломники вкушали пищу в одном помещении за общим столом. Это несколько удивило Нобунагу, но он не стал пренебрегать установленными правилами и, показав личный пример самураям, расположился за столом рядом с фрейлинами госпожи Аояги и принялся с аппетитом поглощать предложенные блюда.

Как только началась трапеза, в зал вошёл юный монах и привычно, словно он вырос в аристократическом доме в Киото, заиграл на бива, развлекая присутствующих.

Вскоре появилась госпожа Аояги и присоединилась к общей трапезе.

---

[42] Узлы на оби гейши (высоко оплачиваемые куртизанки) носили спереди, своего рода выставляя напоказ род своих занятий, а не сзади, как положено аристократкам.

Вкушая пищу, Нобунага получал двойное удовольствие – насыщение плоти и духовную радость – нет, отнюдь он не пребывал в радости оттого, что находится на Священной земле Будды, но оттого, что видит перед собой её…. – Аояги.

Боковым зрением даймё успевал наблюдать и за поведением фрейлин: они вели себя безупречно, непринуждённо. Но всё же их высокие причёски с обилием серебряных шпилек, противоречили нынешней дворцовой моде.

Хотя Нобунага допускал: у гейши – несколько иные понятия о красоте и моде. Увы, но он отстал от светской и жизни давно не посещал киотских красавиц. Но и те, в объятиях которых он проводил время, были другими, и явно не обладали глазами, словно у быстрой лани… Да, и потом: зачем госпоже Аояги гейши в качестве фрейлин? Неужели для этой роли не нашлось благовоспитанных девушек из аристократических семей?.. Немного поразмыслив, даймё решил: возможно, у Яшмовой госпожи существуют веские причины, дабы держать при себе фрейлин-гейши.

Нобунага отвлёкся от этих мыслей, представив себе, как ночью овладеет прекрасной вдовой.

* * *

Остаток дня пролетел незаметно. Слуги установили жаровню в спальне, где Аояги в час Змеи, сняв верхние кимоно, готовилась ко сну.

– Положите футон* рядом с жаровней, – приказала госпожа, – и накройте его шёлковым покрывалом. Поставьте кувшин сливового вина на стол.

Служанки исполнили все пожелания и с поклоном удалились. Госпожа Аояги возлегла на ложе в ожидании Нобунаги. И он не заставил себя ждать…

Раздвинув фусуме, даймё вошёл в спальню. Аояги, едва справляясь с охватившим её желанием, поднялась навстречу.

– Река Томину ждёт нас… – томно произнесла Аояги.

Нобунага, распалённый страстью и ожиданием, отбросив все приличия и прелюдии, набросился на Аояги, словно изголодавшийся зверь….

* * *

Весь следующий госпожа Аояги провела в медитации. Нобунага охотно последовал её примеру, неожиданно его мысли приобрели стройный порядок. Наступил момент, когда он ощутил, что душа его отделяется от тела и с высоты птичьего полёта созерцает землю…

Он отчётливо увидел Адзути и своих дочерей. Хитоми шла рядом с Моронобу, молодой самурай с нежностью взирал на девушку… Юрико… Как ни странно, но Нобунага увидел Юрико, облачённую в свадебный наряд с соответствующей клановой атрибутикой, она шла рядом с даймё, черты лица которого показались ему знакомыми до боли…

Душа Нобунаги парила в теле птицы над синей гладью Бива: вот три небольших островка, что недалеко от Адзути; вот мост Сэта, что изогнулся через реку, несущую воды из озера… Вот христианская миссия, построенная португальцем Доминго, она разрослась, разбогатела – среди японцев нашлось немало последователей Христа…

Затем он увидел дым, он поглощал прекрасное озеро Бива…

Душа вернулась в бренное тело, Нобунага очнулся. Аояги с любопытством взирала на него.

– Вы что-то видели? – поинтересовалась она.

– Да… Не знаю, можно ли это назвать видением?

– Возможно, – уклончиво ответила Яшмовая госпожа.

Остаток дня Нобунагу одолевали раздумья: хорошо ли видеть будущее или плохо? – спорный вопрос. И как правильно истолковать увиденное? Он решил поделиться своими мыслями с Аояги.

Поздно вечером, в час Змеи, когда Нобунага пришёл в спальню возлюбленной, то не бросился к ней, сгорая от любовной страсти и нетерпения. Он сел на татами напротив ложа и сказал:

– Во время медитации мне было видение.

– Знаю, я всё видела, – призналась Аояги. – Но боялась заговорить первой. Я летела рядом с вами…

Нобунага замер от удивления.

– Наши души парили рядом?

– Да… Увы, но мы видели предзнаменование беды. Поэтому я и приготовила для вас подарок.

Нобунага удивился ещё больше.

– Подарок? Я не ослышался? Сейчас?

– Да, именно сейчас, – решительно заявила Аояги и трижды хлопнула в ладоши.

Из-за ширмы, стоявшей в углу, вышли две фрейлины, те самые, что уж слишком похожи на гейши.

– Эти девушки предназначались для вас.

– Но… – попытался возразить даймё.

Аояги жестом прервала его.

– У каждого знатного аристократического или княжеского рода на службе состоит тайный клан ниндзей. Мой род – не исключение. Эти девушки лишь на первый взгляд гейши, на самом деле в совершенстве владеют иаи-дзюцу* и смогут не только доставить удовольствие, но и защитить вас. Вскоре я вернусь в Киото, вы – в Адзути… Кто знает, что нам уготовано?… Может быть, эти мгновенья, проведённые вместе, последние… – На глазах Аояги навернулись слёзы.

– Так забудем же стыдливость! – воскликнула она и распахнула кимоно, обнажая прекрасное тело. Юдзё последовали примеру своей госпожи…

Этой ночью Нобунаге пригрезилось, что он вкушает сладчайшие плоды в садах Амат-эрасу и запивает их белым медовым вином…

Часть 2
Арагото – неистовая жестокость

Печальна жизнь.
Удел печальный дан
Нам, смертным всем.
Иной не знаем доли.
И что остается? —
Лишь голубой туман,
Что от огня над пеплом
встанет в поле.

Оно-но Комати[43]

Глава 1

Два последующих незабываемых дня в объятиях госпожи Аояги и её очаровательных гейши пролетели как один миг. Нобунага обрёл спокойствие, давно утраченное им в постоянной политической борьбе с сёгуном Тоётоми Хидэёси, а также духовное равновесие. Полученное им плотское наслаждение было несравнимо ни с чем, в искусстве любить гейши-куноичи* не знали себе равных.

По окончании утренней медитации, в которой Нобунага также принимал участие, госпожа Аояги получила письмо из Киото. Примчался один из верноподданных Фусю, его лошадь была взмылена, сам же он раскраснелся от быстрой скачки и холодного пронизывающего ветра, поднявшегося ещё ночью. Ветер принёс мокрый снег, небо заволокло тяжёлыми серыми облаками, казалось, ещё немного они коснуться земли и она сольётся с ними в единое целое, поглощая монастырь Энракудзи и все его окрестности.

Яшмовая госпожа поспешила развернуть свиток и прочесть послание: оно не предвещало ничего доброго. Один из императорских лекарей, которому было вверено здоровье Главного советника, сообщал, что состояние больного резко ухудшилось, и он навряд ли доживёт до часа Собаки.

Госпожа Аояги расстроилась: мало того, что уходил из жизни один из преданнейших и мудрейших вельмож, теперь можно ждать самого неожиданного поворота событий. Она ненавидела сёгуна, зная властную и подлую суть этого человека, а более всего боялась за жизнь сына.

Яшмовая госпожа тотчас же приказала собираться в Киото, решив направиться сразу же на улицу Нидзё в дом умирающего советника, и постараться облегчить его предсмертные страдания, насколько это вообще возможно в подобной ситуации.

Нобунага, опасаясь происков со стороны Тоётоми, простился со своей возлюбленной госпожой и в сопровождении отряда самураев, к которому присоединились очаровательные гейши, поторопился в замок Адзути, дабы быть готовым к самым печальным событиям.

По прибытии в Адзути Нобунага намеревался отдать приказ: всем вассалам собраться с отрядами воинов-байсинов, и встать лагерем вокруг замка.

---

[43] Перевод А. Глускина

* * *

Тория сидел на коленях перед жаровней. Тепло, исходившее от углей, едва ли могло согреть его измученную душу…

Рядом, в соседней комнате рожала Мико. Она мучалась почти два дня. Сначала она сильно кричала и стонала, даже Тоётоми Хидэёси, услышав её крики, поспешил справиться о том, как проходят роды. Всё-таки женщина была когда-то его наложницей.

Госпожа Манами прекрасно знала о связи Мико со своим сыном и была безгранично благодарна наложнице, ибо Тория стал мужчиной – пропала вспыльчивость, непредсказуемость, лень; поступки его приобрели обдуманность и благородство. Узнав, о беременности наложницы, госпожа Манами возрадовалась и возблагодарила богов, ибо теперь знала наверняка – её сын сможет иметь наследников.

Как только у Мико начались схватки, госпожа Манами сразу пригласила двух лучших повитух, которые в своё время помогали её детям появиться на свет, и сама присутствовала у ложа роженицы.

Казалось, сначала, ничего не предвещало беды. Наложница, как и положено ощущала схватки, они становились всё чаще и сильней… Но должны были в итоге привести к тому, что на свет появиться дитя, зачатое Торией. Увы, прошло слишком много времени – роды так и не начинались…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.